

ДМИТРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

ГРАНИ СНА

▶ ФАНТАСТИКА

RED

RED. Фантастика

Дмитрий Калюжный

Грани сна

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Калюжный Д. В.

Грани сна / Д. В. Калюжный — «Редакция Eksmo Digital (RED)»,
2021 — (RED. Фантастика)

ISBN 978-5-04-156640-1

Какой могла стать Россия, если бы в её историю вмешался кто-то из будущего? Студент Лавр Гроховецкий обладает странным свойством: во «сне» он возрождается в прошлом. Тут он спит полчаса-час, а там проживает целую жизнь. Вернувшись обратно, наблюдает изменения, вызванные английскими темпоральными шпионами, и старается обезвредить их, сотрудничая даже с наркомом Л.П. Берия. Прошлое меняется так причудливо, что некоторые исторические персонажи исчезают из истории, а потом вдруг опять появляются... Комментарий Редакции: Мистика и наука удачно соседствуют в глубоком романе Дмитрия Калюжного. Превосходный сюжет и полное погружение в иную действительность, которая не перестает наталкивать на колючий вопрос: «А что было бы, если?...»

ISBN 978-5-04-156640-1

© Калюжный Д. В., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

Москва, август 1936 года	9
Москва, октябрь 1936 года	16
Заяузье, VIII век	20
Оксфорд, 2057 год	35
Ока – Беспута – Дон, VIII век	42
Город Вятич – Заяузье – Городенец, VIII век	52
Москва, октябрь – ноябрь 1936 года	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дмитрий Калюжный

Грани сна

© Литагент АРІ издательство ЭКСМО

* * *

...

– И это ещё не всё, ваше высокопревосходительство!..

– Что ещё?

– Наверняка слухи! Но говорят, что в Питере Керенский раздаёт рабочим оружие!

– Он сумасшедший, – ответил Лавр Георгиевич Корнилов своему секретарю. – Ступайте.

Проследите, чтобы к утру войска были готовы к выступлению. Приказ будет.

Тот вытянулся, приложил ладонь к фуражке, повернулся на каблуках и вышел, тихо прикрыв за собой резную дверь.

Оставшись один, Верховный главнокомандующий задумался. Да, программа ясна. Взять столицу и прекратить смуту! Без жестокостей. На виселицу – только самых главных агентов чужих правительств, а остальные пусть резвятся, но в рамках. Отменить дурацкую «выборность командиров». Разогнать солдатские комитеты, чтобы не вмешивались в военные вопросы. Вообще ликвидировать Советы в тылу и на фронте, если понадобится – физически уничтожить негодяев. Запретить профсоюзы, митинги и забастовки. Ввести цензуру в прессе. Засидевшихся в столице солдат – на фронт, сражаться до полной и безоговорочной победы.

Лавр Георгиевич встал из-за стола, подошёл к окну, за которым вяло умирал летний день. Лето кончалось, дурное, суетливое, кровавое. Окна его кабинета выходили на север. Завтра... да, завтра. Как только доложат готовность войск, издам приказ о наступлении и взятии Петрограда.

Кто, если не я? – думал он. – Да, говорят, что если далеко зайти тропой Бонапарта, то с неё уже не свернуть ни вправо, ни влево. Что ж, нам ли привыкать... А сегодня загляну к Наталье – пожалуй, теперь уже можно потратить часик и на себя.

У подъезда к нему подбежал маленький гибкий юноша, начальник охраны Хаджиев, взял под козырёк.

– Я схожу, прогуляюсь, – сказал ему Лавр Георгиевич по-туркменски. – Подышу воздухом. – Перешёл на русский: – Двух человек сопровождения достаточно. Ну, ладно, четверых, учитывая обстановку.

Он пересёк Губернаторскую площадь, где дворники в сумерках всё ещё заматали базарный мусор, свернул на тёмную аллею. Двое солдат с винтовками следовали за ним, Хаджиев и ещё один солдат шли поодаль. Попадавшиеся навстречу хасиды кланялись, трогали с почтением поля шляп. Прошёл мимо пеший патруль. Разглядев в свете газового фонаря, кто идёт, казаки вытянулись «во фронт».

За театром повернул направо и вскоре входил в низенький каменный дом с ярко освещёнными окнами.

Тонкая брюнетка в тёмно-зелёном в цвет глаз шёлковом платье вышла из гостиной к нему навстречу.

– Лавр, – сказала она, прижавшись. – Мне неспокойно.

– Я оставлю часовых перед дверью, – сказал Корнилов. – И у окна. Уж в Могилёве я могу гарантировать твою безопасность.

– Ах, ты не понимаешь – мне неспокойно за тебя.

Роман с Натальей начался ещё в марте, когда он стал питерским генерал-губернатором, в эйфории первых дней революционного угара, и продолжался с недолгим перерывом на войну. Отношения с супругой Таисией у него фактически закончились со смертью сына, давно, ещё до Китая, так что угрызения совести его не мучили. Став Верховным главнокомандующим, он перевёз Наталью в Могилёв и снял для неё этот дом.

Были опасения, что в Могилёве Наталья будет скучать, но нет, её то и дело навещал кто-нибудь из столицы. Поэты, синемаатографисты, отпрыски папаш-богачей: многие желали обрести славу «побывавших на войне», а для этого им не нужны были походы и окопы, – хватало визита в Ставку Верховного главнокомандующего...

Вот и теперь в гостиной сидели двое незнакомцев: некрасивая дама средних лет, тощая, как тарань, с серьёзным сухим лицом, и толстяк штатский, поспешивший подняться из кресла при виде знаменитого генерала. На румянном его лице сияло такое восхищение, что Лавр Георгиевич почувствовал к нему неприязнь, хотя привык уже и к прозвищу Спасителя Отечества, и к лицемерию целых толп таких вот восторженных толстяков.

– Моя фамилия Мезенцев, – сказал гость.

Корнилов сухо кивнул. Ему-то представляться не было решительно никакой нужды.

– Сударыня? – едва заметно кивнул он даме.

– Анна, – томно представилась вобла, и этим ограничилась.

– Выпьешь? – спросила его Наталья.

– Чаю, – ответил Лавр и вышел вслед за ней в кухню.

Прислуга к вечеру уходила. Наталья подожгла спиртовку, поставила на огонь чайник.

– Ты недоволен, что я не одна? – спросила она шёпотом.

– Я хотел видеть тебя, остальное неважно.

– Но... Лавр!

– Что?

– Они у меня по делу. И мы тебя ждали.

– Меня? По делу? Что-то случилось?

– Нет... Этот Володя Мезенцев, он очень знаменитый медиум из Петрограда. Ему за сеансы изрядно платят. А сюда он приехал просто так. Ну... вернее... я его зазвала ради тебя. Это из-за моего беспокойства.

Она стояла, низко наклонив голову.

– Медиум? – Корнилов вскинул брови. – Мы что же, будем заниматься столоверчением?

Наталья повернулась и посмотрела на него так, будто вобрала его всего в свои огромные зелёные глаза, и через несколько мгновений бравый генерал почувствовал, как это всегда с ним бывало при ней, что раздражение в нём тает, будто лёд весной. Да, конечно, да, они будут вызывать духов, а придумай она что-то ещё более глупое – займутся и этим, лишь бы ей было интересно. «Вот такой из меня Бонапарт», подумал он.

Она грациозно перенесла чашки майсенского фарфора из буфета на стол. Глядя на неё, он сказал дрогнувшим от нежности голосом:

– Пожалуй, можно выпить что-нибудь и покрепче.

Полчаса спустя генерал, расстегнув мундир, смеялся и курил. В пальцах его был фужер с коньяком, за которым сбегал к коменданту один из караульных текинцев.

Толстый Мезенцев, державшийся вполне спокойно, без подобострастия, установил на ломберный столик доску с закруглёнными краями, на которой были выжжены буквы алфавита, цифры и слова «да» и «нет», и поставил на доску вверх дном блюдо с риской на краю. Затем он задул свечи, оставив только одну – в медном канделябре.

– Я начну! – крикнула Наталья, раскрасневшаяся после коньяку. – Владимир, вы готовы?

Толстяк комически сощурил глаза, отчего вдруг сделался похожим на самого генерала Корнилова, только без бороды и усов. Наталья зашлась в хохоте, да и генерал рассмеялся. Мезенцев подмигнул им, и в следующий же миг сделался серьёзным.

– Полночь, – важно объявил он. – Начинаем!

Тут он завернул какую-то фразу – как бы не на древнееврейском.

Анна вставила в длинный мундштук папиросу и прикурила от свечи.

Дурная примета, отметил про себя Лавр. Кто же прикуривает от свечи? Ну да ладно, не на гауптвахту же её за это...

Он прикончил коньяк, поставил на пол стеклянный фужер, сложил руки на коленях и приготовился вкушать некоторое количество вежливой скуки – как те мужья, что в модном магазине садятся на первую попавшуюся кушетку и смиренно ожидают, когда их благоверная набегается по примерочным кабинам.

Наталья и Мезенцев соединили пальцы на блюде.

Некоторое время ничего не происходило.

Вдруг блюде двинулось по кругу. У Натальи округлились глаза, лицо стало серьёзным, движения рук – осторожными. Мезенцев тоже посерьёзnel, будто вёл авто по неровной дороге.

Блюде сделало круг и остановилось.

– Я вызываю дух владыки мира Александра Македонского! – возгласила Анна.

Блюде дрогнуло.

– Он здесь, – прошептал Мезенцев. – Лавр Георгиевич, начинайте. У вас есть вопрос к великому полководцу?

– М-м-м..., – задумался Корнилов и вдруг закашлялся. – Может, я позже?

– Я, я спрошу! – влезла Наталья. – Великий Александр, когда закончится война?

Блюде поехало, даже не дождавшись окончания вопроса. Анна раскрыла блокнот, который держала в руках с самого начала, начала записывать в него буквы.

– В-о-й-н-а в-н-у-т-р-и в-а-с, – прочитала некрасивая Анна. – И что это значит?

Блюде опять двинулось по кругу, на секунду замирая у очередной буквы.

– Д-у-р-а, – прочитала Анна. – Кто?..

Наталья поспешилша перебить её. Заговорила важным голосом:

– Вернётся ли трон обратно к поверженному монарху?

– Е-г-о т-р-о-н и-з л-ь-д-а, – огласила Анна то, что записала за блюдцем. – Какого льда? Может, Изольда?..

– Я спрошу, – решил Корнилов.

Мезенцев бросил на него взгляд быстрый и острый, как укол шпaги. Это не прошло мимо внимания генерала. «Ой, дурачит он меня», подумал он, и продолжил, стараясь быть серьёзным:

– Брать ли мне Петроград?

Но до того как он произнёс эту фразу, что-то в комнате изменилось. Будто ветер прошёл. Явно похолодало. Зазвенели хрустальные подвески на люстре, заплясал огонёк на свече, тяжело шумнули шторы, и потом уже стукнула форточка. Лицо Натальи сделалось белым, Анна откинулась на спинку стула, Мезенцев, открыв рот, смотрел вверх мимо генерала, и взгляд его выражал полную растерянность.

В комнате было что-то постороннее, чего минуту назад – не было!

Блюде на столе оставалось недвижимым, зато раздались звуки. Они начались у окна, потом переместились в угол, в другой – будто источник звуков носило ветром. Это был прерывистый, с паузами, шёпот, сопровождавшийся тонким звоном и свистом:

– Nein, no, нест, нет.

Затем произошло нечто совершенно неожиданное. Из темноты в круг слабого света не вступила, а будто впала – между Корниловым и Натальей, узкая высокая фигура, похожая

на человека, но не тёмная, а бестелесная. Огоньки заплясали на прозрачных костях черепа, сверкнули зубы, а над ними – вытаращенные, без век, страшные глаза.

Наталья звонко вскрикнула и закрыла лицо руками. Мезенцев грохнулся на пол вместе со стулом. Анна сомлела без чувств. Один только генерал видел, как, взмахнув руками, фигура переломилась и словно растеклась по столу – при этом коснувшись пламени свечи. Запахло палёным, и раздался такой визг, каким визжал бы слизень, если бы умел визжать.

Свеча погасла.

Фигура, судя по тонкому звону, опять метнулась к окну, которое само уже гремело и звенело, рассыпаясь от ударов снаружи. Срывая на ходу шторы, в комнату ввалился Хаджиев, за ним лез кто-то с факелом. Не останавливаясь ни на секунду, гибкий начальник охраны ударил прозрачное чудовище саблей по голове, и сабля его с тошнотворным скрипом промчалась сверху донизу, до самого пола.

...Когда зажгли электричество, то увидели на полу только лужу бурой протоплазмы.

Москва, август 1936 года

– Мин херц! – доложил денщик царя Алексашка Меншиков, выглянув за дверь, в морозную ночь. – Ягужинский к нам! Коня загнал!

– Мотор! – скомандовал режиссёр-постановщик.

В горницу вошёл Ягужинский в шинели и шапке, засыпанных снегом.

– Оттуда? – тревожно спросил Пётр.

– Оттуда, господин бомбардир.

– Что там?

– Полная конфузия, господин бомбардир.

– Так...

– Половина войска побито, остальные бегут. Пушки пропали. Генералы, кроме Шереметева, сдались все.

– У, герои, – сурово процедил Меншиков. – Сучьи дети!

– Шведы идут на Новгород!

– Дальше Новгорода шведов пускать нельзя, – супя брови, с мудрой задумчивостью указал им Пётр. А потом закручинился, махнул рукой, крикнул с тоскою: – Пушек нет!

Послышались медленные тяжёлые удары колокола, сопровождаемые подзвонниками.

– Опричь колоколов, меди для пушек нам не найти, – с иезуитской улыбкой подсказал Меншиков. От этих слов царевич Алексей Петрович, беззвучно таившийся до этого в углу, будто ожил. Сверкая высоким лысым лбом, он вздел вверх палец и гнусаво завыл:

– Русь колоколами славна! От византийской старины сей малиновый звон!

– Чепуха! – сурово припечатал царь.

Больше Лавр уже не мог выдержать. Зажав руками рот, он, похрюкивая, пробежал за спинами оператора, режиссёра и прочей киношной публики, стоявшей сзади кинокамеры и осветительных софитов, выскочил из студии в коридор и уже здесь, проверив, плотно ли закрылась дверь, захохотал в голос. Отсмеявшись, отошёл к окну, изумлённо встряхивая головой. Вскоре дверь приоткрылась, и оттуда как-то боком выскользнул кинодеятель в костюме, с растрёпанными волосами и в очках с толстой целлулоидной оправой, круглой снизу и овальной сверху: для Москвы – новинка моды.

Он сразу кинулся к Лавру и затараторил:

– Вы кто такой, вообще? Как сюда попали? Кто пропустил? Товарищ Петров страшно недоволен.

– Здравсьте, Лев Ильич, – ответил ему Лавр. – Вы же меня знаете. Я Лавр Гроховецкий. Приезжал с Андреем Игнатъевичем, он у вас числится научным консультантом. А вы – Иванов, ассистент режиссёра.

– Нет, я помощник директора картины. А что вы тут делаете? Где профессор?

– Андрей Игнатъич занят на раскопках. Он археолог, а теперь конец сезона, с сентября у него лекции, вот и не хочет отвлекаться. Прислал меня. Я сдал в секретариат его заметки по прежнему показу.

– Хорошо, хорошо. И что?

– Розенвассер прокрутил мне новый отснятый материал, и отправил сюда. Вы, кстати, знаете, что там уже наснимали сюжетов о том, что будет позже эпизода, который снимают здесь? – и он ткнул пальцем в сторону студии.

– Знаю, это обычная практика. Вы над этим смеялись? Зря разозлили режиссёра.

– Нет, не над этим, – Лавр опять засмеялся. – Я так понял, вы тут разыгрываете сцену, якобы имевшую место после Нарвского поражения Петра?

– Да.

– Это было в семь тысяч двести восьмом году.

– В тысяча семисотом!

– Неважно, это одно и то же.

– И чего смешного?

– Объясняю. В том году царевичу Алексею было десять лет отроду, дорогой мой! А у вас его играет сорокалетний лысый дядька. Рассуждает про малиновый звон и византийскую старину. Вот что смешно.

– Зря смеётесь. Это художественная условность!

– Кстати, самому царю-папаше было тогда двадцать восемь лет! А ваш похож на старца, которого в минуту кончины гальванизировали электротоком: глаза вытаращены, волосы торчком, дымится, и бесконечно выпаливает глупости.

– Слушайте, задача консультанта – точность в изображении деталей, а до остального вам дела нет.

– Как это? Консультанту нет дела, что вы переврали возраст всех героев? Вот сейчас прискакал Ягужинский: который? Должен быть Павел Иванович, а ему в тех событиях было лет семнадцать примерно! Здесь его играет пухлый дядя, по возрасту годящийся ему в отцы! Да только отец его, Иван-то Ягужинский, на коне сроду не скакивал.

Распахнулась дверь. В коридор из студии повалили члены съёмочной группы, на ходу переговариваясь и доставая из карманов портсигары, пачки папирос и спички. В широком коридоре сразу стало шумно и тесно.

– Виктор! – окликнул одного из них, в рубахе, помощник директора.

– Что, Лев Ильич? – спросил тот. Из-за жары он снял и оставил в студии тяжёлую шинель и шапку, засыпанные вместо снега нафталином.

– Тебе сколько лет?

– Тридцать... с половиной. В январе тридцать один будет. Что ли, уже подарок мне готовите? – и он засмеялся.

– Нет, просто вот этот юноша утверждает, что твоему герою семнадцать лет.

– Да ладно! Не может быть!

К ним быстрым шагом подошёл режиссёр:

– Что такое? – сердито спросил он Льва Ильича, даже не глядя на Лавра. – Кому семнадцать лет? Кто это?

Лавр утомлённо улыбнулся.

– Это консультант, студент от профессора Силецкого, – объяснил Лев Ильич. – Ему смешно, что актёры подобраны не по возрасту героев. Слишком старые, говорит. Особенно ему не нравится актёр Черкасов в роли царевича.

– Ишь, каков! – съязвил режиссёр, заметив наконец Лавра. – А тебе известно, студент, что актёров на роли утвердил сам писатель Алексей Толстой?

– Да мало ли! Ведь он их живьём не видел. Ни один не похож.

На это прозвучал вопрос, заданный ещё более язвительным тоном:

– А ты их, что ли, видел?

Лавр задумался. Видел он и царя, и его детей, и сподвижников. Но говорить об этом режиссёру и этому непричёсанному помощнику не мог. Ведь сочтут сумасшедшим, дойдёт до профессора, будут неприятности в университете!..

...Лавр Гроховецкий родился аккурат в тот день, когда Советы, ведомые большевиками, захватили власть в Петрограде и свергли Временное правительство. Его отец, князь Фёдор Станиславович, ожидая, что генерал Корнилов сумеет покончить с большевиками, дал новорожденному сыну имя Лавр в честь генерала. Но – не сбылись надежды. Они оба – неудачливый генерал и напрасно веривший в него князь Фёдор, погибли одновременно. Вдова князя, Елена,

бросила Петроград и с младенцем на руках перебралась под Тверь, в деревню вблизи Старицы, где жил их дальний родственник престарелый князь Юрьев. Она работала там в монастырской библиотеке. Потом вместе с четырёхлетним сыном уехала в Москву.

Здесь большевики вели «поход на неграмотность»! Сельскую библиотекаршу из Старицы мигом назначили методистом библиотеки имени многократно страдавшего от царизма товарища Достоевского, что на Чистых прудах. И предоставили ей с ребёнком жильё в том же доме, в бывшей квартире паразита-дворянина графа Апраксина.

Лаврик жил, как все дети совслужащих. Учился в школе, стал пионером, а потом и комсомольцем. Увлёкся живописью и зодчеством, изучал физику, техническое конструирование, радио, историю средневековой России. По окончании школы поступил в университет на исторический факультет.

И была у него тайна, о которой не знал никто, даже родная матушка. Лавр иногда – не очень часто, но всё же – засыпая, оказывался в прошлом. В реальности его «сон» мог длиться полчаса-час, но за это время он проживал в прошлом целую жизнь! Была та жизнь яркой, полноценной, настоящей...

Лавр не мог объяснить себе, что с ним происходит. И не с кем было посоветоваться. Не случайно брался он за разные науки. Физикой занялся, надеясь понять физическую природу своих «путешествий». Труды по психологии штудировал, потому что разгадка могла скрываться в глубинах мозга. Технику осваивал из тех соображений, что человек, знающий принципы устройства и правила изготовления технических штучек, вроде часов или пистолетов, в прошлом всегда мог хорошо устроиться. На исторический факультет пошёл, ибо считал полезным знать, что тебя ждёт в будущем... вернее, в прошлом.

Каждое лето студентов-историков отправляли на археологические раскопки. В столице шло широкое строительство, соответственно росли объёмы работ археологов. Теперь они рылись на площадках Метростроя. Рабочие открытым способом вели трассу между станциями «Александровский сад» и «Смоленская», расчищали площадку для «Киевской», и здесь же, недалеко от «Мосфильма», работала археологическая группа профессора А.И. Силецкого.

Андрей Игнатьич был неустанным энтузиастом поисков библиотеки Ивана Грозного, так называемой Либерей. Практически никто не верил, что такая библиотека вообще существовала – а он верил, и Лавр Гроховецкий был на его стороне. Они поэтому и сошлись так близко, пожилой уже учёный и молодой студент.

Где же она могла быть, таинственная Либерей?.. Раз уж все наземные постройки обыскали, и не нашли её, то, понятное дело, под землёй. Отсюда происходила ещё одна страсть Силецкого – поиск подземных каменных тайников и ходов к ним.

Однажды в разговоре с Лавром учёный вспомнил, что в некоторых старинных письмах смутно, без подробностей, упомянуто, будто при Алексее Михайловиче мастер Азанчеев по заданию царя вырыл грандиозного размера тайные ходы. Лавр задумался. Знал он того Азанчеева! Он действительно занимался землекопством! Говорить старому археологу о таком странном своём знакомстве Лавр не рискнул, но подтвердил, что был такой землекоп, и царь даровал ему за стахановскую работу дворянство.

– Здоровенный был мужичина, этот Азанчеев, из татар, – сказал он Силецкому. – Когда крестился и во дворянство вышел, взял себе имя Василий Мартемьянович.

– Откуда знаете? – заинтересовался Андрей Игнатьич.

– Где-то читал, – уклончиво ответил Лавр. – В дореволюционных журналах. Этот чёрт Азанчеев заказывал придворной кузне особо надёжные лопаты, и в больших количествах. Да, рыл он тоннели, рыл.

– Вы, голубчик, вспомните, где это читали, да мне-то и скажите, – стал подлизываться к нему учёный. – Ведь в те времена просто так дворянство не давали! А вдруг в тех тоннелях спрятана Либерей?

– Вряд ли, – прищурился Лавр. – Ведь то была канализация для царского нужника.

– Не может быть! Канализация высотой в рост человека?

– А как же иначе, если её рыл человек? Должен же он там помещаться...

– Но рыли-то секретно!

– Ещё бы. Всё, что касалось царя и его личной жизни, делали секретно. Негоже простым людишкам задумываться о том, что царь тоже в нужник ходит. А что до Либереи, собранной Грозным, так её могли спрятать, когда началась на Москве смута, когда на неё шли поляки. А этот Азанчеев рылся под Кремлём полвека спустя, в спокойные времена! Вряд ли книги вытащили из одного тайника, и перепрятали в другом. Нет! Уж если бы вытащили, так больше не стали бы прятать. Ведь в следующий раз Москву захватили только французы в 1812-м.

– Но всё равно надо бы изучить, чего там Азанчеев нарыл. Вы, если найдёте новые материалы, сможете сесть за диссертацию. А я буду научным руководителем. А? Вам ведь не мешает диссертация?

– Мне бы до диплома дожить, – буркнул утонувший в своих воспоминаниях Лавр, и добавил: – Какой же он гордый ходил, когда стал дворянином! Эх, Андрей Игнатьич, что это был за народ... вышедшие в князи из грязи. Сагу можно сложить.

– Что?..

Труднее всего Лавру было говорить с теми, кто хорошо знал о прошлом из книг, а услышав *его* мнение, требовал доказательств, и непременно, чтобы тоже из книг. Ну, не верят люди аргументам вроде «я лично знал Азанчеева», или, там, «не раз видел царя».

Попав сегодня на Мосфильм, он угодил как раз в такую ситуацию. Обычный научный консультант ограничился бы указанием, какие петлички были на мундирах разных полков, да каковы цвета мундиров и знамён, форма пуговиц. Но он-то был не просто специалистом по той эпохе, а очевидцем! И ничего не мог доказать.

– Читал я сценарий, видел эскизы декораций, – сказал он киношникам. – Всё не так.

– Что не так?

– Всё. В вашем фильме главные моторы действия – царь и Меншиков. Появляются, лично указывают, и всё будто само собой делается по их слову. А было не так! И тот, и другой имели с десяток подручных, о которых теперь никто и не знает. А у тех, у каждого, были ещё людишки. Вот они следили, требовали, доносили, зудели, торчали тут и там, в каталажку тащили, если надо... И дело делалось. А иначе никто бы даже не почесался!

– Студент! – с неприязнью сказал режиссёр. – Понимал бы что! Сто серий надо снимать, ежели показывать всё, как было, в деталях. Мы хотели снять всего-то три серии, а денег дали на две, и делаем две. Утвердили нам артиста Черкасова в царевичи – он и будет, похож или не похож.

– Кстати! – вспомнил Лавр. – Царевич, скажу я вам, был тот ещё пройдоха. Он с двенадцати лет повадился ездить к монахам, но ездил пьянствовать, а не малиновый звон слушать. Об этом все знали! И заговор против отца затеял, потому что тот пьянства его не одобрял. А у вас что? Сам царь пьёт, и пьёт. Но Пётр пил мало, и не от склонности, а из обезьянства! В Европе вода гнилая, там подсели на алкоголь из опаски малярии. Пётр этого не знал, а мнил, что это и есть европейская культура. И алкал он в основном при иностранцах, норovia их удивить, как много выпить может. А они, гады, запустили враку, будто он алкоголик.

Сказав это, Лавр махнул рукой:

– Но вы всё равно ведь по-своему снимете.

– Конечно, – усмехнулся режиссёр. – У нас график, смета и сценарий, и твои, студент, странные сказки не могут их изменить. Какой институт?

– МГУ, исторический.

Помощник директора Иванов, уловив мысли режиссёра, нахмурился на Лавра:

– Идите, молодой человек, идите с вашими фантазиями. Ваша позиция нам непонятна! Пусть в следующий раз приезжает сам профессор!

– Будьте здоровы, я пошёл.

Он вышел в августовский зной. Не стал ждать троллейбуса – уж очень редко они ходят, а двинул направо. Однако не дошёл и до Бережковской набережной, как мимо него прошелестел троллейбус. Лавр кинулся его догонять, догнал, и через десять минут был уже на Киевской. Там, взявшись за работу, он, очищая специальной метёлочкой место раскопа, доложил Силецкому о провале своей миссии.

– Выгнали меня, Андрей Игнатьич.

Его рассказ повеселил археолога:

– Что ж вы, голубчик, так неосмотрительно? Искусство и наука, это же несмешивающиеся жидкости. А вы их не только смешали, но ещё и пытались взболтать.

– Вы кино называете искусством? – удивился Лавр. – Мне больше нравится другое определение: киноиндустрия. Знаете выражение, «фабрика грёз»? Фабрика! У нас теперь писатель – это инженер человеческих душ, а в кино работают операторы съёмок и прорабы монтажа. – Лавр вытянул из земли глиняную черепушечку: – О, смотрите, фрагмент горшка пятнадцатого века, – и продемонстрировал найденное учителю.

– Очень хорошо. Давайте её сюда.

Силецкий отметил в тетради время, место и характер находки, открыл жестяную коробку, высланную внутри тряпочкой, и заботливо уложил туда найденный фрагмент, заметив по ходу дела, что это продукт местного производства. Потом вынул из коробки несколько стеклянных и глиняных бусин:

– Вот что мы нашли, пока вас не было. Можете определить, где произведены, и в чём особенность? – и передал их Лавру.

– Богатый улов, – похвалил тот. – Арабские, двенадцатый век. В Европе таких тогда не было, только через триста лет европейцы научились лепить подобные бусы, и повезли их африканцам. Вот-то африканцы радовались!

Говоря это, он вертел стекляшки в руках, а потом вернул профессору со словами:

– Почти все из Мосула, а вот эта, с полосочкой, из Хорезма, названия городишки не помню. Да и нет теперь того городишки. – Он внезапно оживился: – А знаете, она должна быть очень редкой! Таких даже тогда мало было. Бабы за эти стекляшки просто дрались на своих женских вече.

– Я подобных видел всего две, – подтвердил профессор, – при моём-то стаже.

– Две – с этой?

– Да... Первую нашёл и атрибутировал в узбекской Каракалпакии. Её по распоряжению ЦК республиканской партии так и оставили у них в музее... Позвольте: а вам-то про неё откуда известно? Где вы могли её видеть?

Лавр почесал щёку. Посмотрел на небо. Подумал. Осторожно сказал:

– Я её нигде не видел, что вы, профессор. Интуиция подсказала.

– Молодец! – похвалил профессор. – Интуиция для археолога – важнее всего...

Добравшись до своего дома на Чистых прудах, Лавр сначала заглянул в библиотеку к матушке, но у неё не было на него времени: вечерами в библиотеке самая работа. Затем он обошёл дом и поднялся к себе на второй этаж.

Весь дом когда-то принадлежал графу А.И. Апраксину. Большую квартиру на втором этаже занимал сам граф. В смутную осень 1917-го, отправившись с инспекцией на фронты Мировой войны, он пропал без вести (поговаривали, что сбежал за границу с молодой медсестрой). Все его имения реквизировала новая власть; благо, хоть беременную жену его, Дарью

Марьевну, не тронули, из квартиры не выгнали, и даже телефон, который ещё до революции установил себе граф-паразит, оставили.

Она год спустя оформила вдовство – к этому времени родилась уже у неё дочь Ангелина. Жила тем, что распродала графское барахлишко, а ещё через год её, знатока иностранных языков, взяли на работу в комиссию по возвращению из Франции русских солдат Иностранного легиона и наших пленных, оказавшихся волею судеб в разных странах Европы. Комиссаром там одно время был красавец Пётр Пружилин, из матросов, и вышла она за него замуж. К сожалению, зудело у Петра в одном месте – хотелось ему повоевать за родную Советскую власть. Он, бросив её и падчерицу, умчался за тридевять земель и в 1922-м погиб в бою с басмачами.

С тех пор Дарья Марьевна вдовела, работая в Наркомате иностранных дел.

А квартиру её «уплотнили». Теперь Дарья Марьевна, жена бывшего паразита и вдова красного командира, вместе с дочерью, обе с новой пролетарской фамилией Пружилины, жила в двух комнатах; у Лавра с матушкой была большая, перегороженная пополам шкафами и фанерами комната – тоже, по сути, две, и ещё одну комнату занимал старый большевик Иван Павлович Кукин. Ангелина и Лавр с детства звали его дядей Ваней, а жену его и бывшая графиня, мать Ангелины, и бывшая княгиня, мать Лавра (о которых никто уже не помнил, что они из «благородных»), звали бабой Нюрой.

Сегодня из всех соседей были дома только Иван Павлович и баба Нюра.

Старушка хорошо знала лечебные свойства трав, и у Лавра с тех пор, как он стал время от времени непонятным образом попадать в прошлое, был к ней тайный интерес. Он тоже хотел разбираться в травах. Ведь до появления в XX веке химических и синтетических средств, все лекарства в мире делали на основе растительного сырья, лишь иногда используя минералы. А там, куда он иногда попадал – не было аптек и докторов.

Скрывать свой интерес Лавру приходилось потому, что современное ему материалистическое общество считало деятельность «травников» и «ведуний» ненаучным. Фабрики, производящие аспирин, зелёнку и тройчатку от головной боли – это большая наука, а тысячи знатоков целебных свойств трав – мракобесы и жулики. Вот и приходилось ему, когда дядя Ваня с бабой Нюрой шли в лес, прикидываться, будто он с ними грибы собирает. Хотя и грибы тоже собирал, а как же...

Сейчас баба Нюра хлопотала у плиты, а дядя Ваня бродил по дому чистый, умытый и трезвый. Увидев Лавра, сразу важно сообщил ему, что побывал на встрече друзей. Дело в том, что он с 1920-х годов состоял членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, и любил поговорить о своём героическом прошлом, о близком знакомстве с Ф.Э. Дзержинским, который, собственно, и создал это общество, когда был жив. Дядя Ваня гордился знакомством с таким великим человеком.

– А ты знаешь, что я однажды бежал со ссылки вместе с Феликсом? – бывало, грозно вопрошал он того или иного жильца квартиры.

– Знаю, – стонал тот, кто попался ему под руку. – Иди, дядя Ваня, пиши мемуары.

– И напишу! Вы увидите!

Но так бывало, разумеется, только в те дни, когда старик выпивал горячительного напитка. А так-то вообще он был рукодельный и спокойный дед. И что интересно, никогда, даже выпив, не использовал матерных слов. Говорил, у них, каторжан, такое воспитание. Вместо нехороших слов, бывало, сочинял целый литературный оборот.

Побывав у друзей, а они были сплошь старые большевики, натерпевшиеся ужасов при царизме, он притаскивал домой те мнения и настроения, которые бурлили внутри этой про-

слойки населения. Особое возмущение профессиональных революционеров вызывало то, что ЦИК СССР¹ в середине 1935 года распустил их общество.

– Нельзя ликвидировать добровольное общество! – бурчал старик. – Оно для того и добровольное, что разбежаться может только само, по своему добровольному желанию.

Или:

– Нельзя посягать на то, что создал сам Феликс.

Или:

– Мы, старые большевики, создали эту страну! Мы выше любых чиновников! А теперь эти бюрократы решают нашу судьбу. Получается что? А? Получается, эти чинуши хуже царских сатрапов, которые нас по каторгам морили.

Как-то раз он доверительно объяснил оказавшемуся в сфере доступности Лавру:

– Все запреты без толку, Лаврик: мы, революционеры, конспирологию изучали не по книгам. Собирались вместе, и будем собираться! Запретить нам встречаться и обсуждать вопросы по своему выбору – всё равно, что пытаться запретить мужчине играть в шашки с дамой. Ты их в окно гонишь – а они и там в шашки играют. Хе-хе-хе. Понял?

– Ой, дядя Ваня... Шутки твои...

Сегодня Иван Павлович на Лавра внимания не обратил. Он то ли обдумывал чей-то доклад, то ли сочинял речь. Зато им озаботилась баба Нюра: умелый кулинар, способная готовить пищу из чего угодно, она любила кормить молодого соседа. Вот и теперь:

– Лаврик, будешь кашку из репки? Вкусны-и-и-я...

– Обязательно, баб Нюр...

¹ Центральный исполнительный комитет, высший орган государственной власти в 1922–1938 годах. Избирался Всесоюзными съездами Советов, формировал Совет народных комиссаров и Верховный суд СССР.

Москва, октябрь 1936 года

Студент Лавр Гроховецкий стоял посередине деканата, поглядывая в его огромные окна, и вполуха слушал путаную речь декана о моральном кодексе и необходимости для юношества уважать седины. Он был недоволен собой. Сотни раз говорил себе, что нужно быть сдержанным, держаться, как все! А он повёлся на глупости этого профана, профессора Лурье. Он, проживший больше полутысячи лет! Беда в том, что чья-то глупость всегда его заводит. Не может он терпеть самодовольных дураков. Это минус, такую черту характера надо изживать.

За окном сиял прекрасный осенний день: тихий, солнечный. В приоткрытые фрамуги влетал прохладный воздух. Слышались невнятные разговоры и смех студентов во дворе и гудки автомобилей, проезжавших по Моховой.

Декан закончил читать нотации, передал слово сотруднику ректората, лысеющему блондину средних лет.

– Ректор согласился с решением об отчислении с исторического факультета МГУ студента Гроховецкого Лавра Фёдоровича, – без всяких околечностей, буднично, унылым голосом сказал блондин.

Лавр ожидал, что его накажут – так уж заведено в этих стенах, но исключение?..

– За что? – спросил он. – Это вы чего-то погорячились.

– Только и ждём, чтобы всякий бездельник давал оценку решениям ректората, – столь же уныло прокомментировал блондин.

– За то, что вы устроили безобразный спор с профессором Лурье, – пояснил декан, указывая на профессора, сидевшего тут же.

– Яков Давидович, дорогой! – обратился к тому Лавр подчёркнуто уважительно и миролюбиво. – Чего такого безобразного углядели вы в моих вопросах?

– Какой я вам «дорогой»! – взвизгнул профессор.

– Не начинайте новых скандалов, молодой человек, – пробрюзжал блондин, а декан развёл руками, воздел очи горё и пробормотал: «Ну, вот, опять», а затем лекторским тоном произнёс:

– Дело студентов – овладевать знаниями! Это же общеизвестная истина. А обвинять преподавателей в неправильном понимании истории студенты не должны!

Лавр попытался объяснить:

– Я же всего-навсего..., – но профессор не дал ему говорить, язвительно прокричав:

– Не для того вас приняли в столь прославленный университет, созданный ещё самим Ломоносовым, чтобы вы ревизовали марксизм-ленинизм, утверждая, будто в историческом развитии общества нет деления на общественно-экономические формации! Ведь если так рассуждать, то получается, нет и борьбы классов, не так ли? А? Что, примолкли?

– Мы оставили без внимания скандал, который летом Гроховецкий устроил на киностудии. А, наверное, зря. Надо, надо было отреагировать на сигнал товарищей кинематографистов! Гроховецкий крупно подвёл профессора Силецкого. К сожалению, сам Андрей Игнатьич отказался написать рапорт о его поведении.

Блондин бросил бумаги на стол, сказав:

– Лавр Фёдорович, приказ ещё не подписан. Сначала с вами побеседуют в комитете комсомола.

Этого ещё не хватало! – задумался Лавр. – Ведь попрут из комсомола, как пить дать, попрут. У них ума хватит.

– Идите, бывший студент Гроховецкий!

Он и пошёл, размышляя, что если б кто знал правду о его княжеском происхождении, то даже не приняли бы в комсомол. И в университет бы тоже не взяли.

Что делать?.. В этом году уже никуда не поступишь, надо искать работу, и опять готовиться к поступлению в вуз. А то в двадцать один год призовут тебя, Лаврик, в армию – думал он со здоровым цинизмом. Впрочем, по словам этого унылого, приказ об отчислении пока не подписан. Вдруг пронесёт?.. Но уж если вновь поступать, то точно не на исторический. Ах, дьявольщина! Ведь если выгонят из МГУ, то накроются и занятия в университетской секции тяжёлой атлетики!

Рассуждая обо всём этом, он, поёживаясь от зябкого ветра, шагал по Моховой. Остановился, чтобы застегнуть куртку. Пуговица вывёртывалась, не лезла в петлю.

– Да что ж сегодня за день такой, – возмутился он, и вздрогнул от удара по плечу:

– Грошик, ты, что ли?

Лавр смотрел на высокого улыбающегося мужчину лет под тридцать, в длинном чёрном кожаном пальто, и никак не мог сообразить, кто это. Наконец, улыбнулся:

– А, Леонид... Прости, не сразу узнал. И фамилию не помню.

– Ветров. А что не узнал – прощаю. Мы ж с тобой лет сто не виделись.

– Нет, – задумался Лавр. – Откуда сто? От силы лет сорок – сорок пять.

– Шутник! Ты даже меня перешутить сумеешь!

Лёню Ветрова, студента Литературного института им. А.М. Горького, иной сотрудник ректората, вроде давешнего блондина, охарактеризовал бы как бездельника. Он редко бывал в своём институте. Зато пописывал злобные фельетоны для газеты «За коммунистическое просвещение» и других изданий, имел широчайший круг знакомств во всех вузах столицы, и был в курсе всех студенческих дел. Красивый, обаятельный и общительный, всегда при деньгах – Лавру он попадался раза три-четыре, если не пять.

Впервые они встретились на вечеринке у студентов-физиков МГУ. Он туда забрёл, чтобы поболтать с неким Виталиком Гинзбургом; тот изучал распространение радиоволн, а Лавру эта тема была интересна. Лавр стал бубнить ему свои вопросы: можно ли передать в прошлое информацию о каком-либо событии. Виталик засмеялся:

– Это что получается: я сегодня со своей рации передам информацию туда, где рацию ещё не изобрели?.. И на кого-то там повлияю? Брось. И вообще, если предположить, что события прошлого имеют причины в настоящем, то придётся признать наличие в физическом мире сверхъестественных сил! А? В поповщине обвинят, а нам это надо?

– Но передать-то информацию можно? – настаивал Лавр. – Пусть её там не примут, но передать... Вдруг, с учётом гравитации, образовалась временная петля...

– Если информацию передать, а её не примут, то это всё равно, что не передать, – резонно возразил Виталик, и потащил его на вечеринку.

А зачем туда пришёл Ветров, Лавр так и не узнал. В их «физические» разговоры этот фельетонист не вмешивался. Впрочем, Лавр ещё тогда подумал, что Ветров парень не простой, раз уж собирает информацию для журналов Наркомпроса РСФСР и даже Всесоюзного комитета по делам высшей школы СССР.

Вот и сейчас он как-то очень вовремя оказался на его пути.

– Что случилось, Грошик?

– А вот, выгнали меня из университета.

– Что ты говоришь?! Вот мерзавцы. Идём в пивную, расскажешь.

Прямо от гостиницы «Националь» они зашагали через улицу; пропустили трамвай, оставили слева построенную в прошлом году гостиницу «Москва» и направились в Александровский сад: там была сколоченная из досок пивная веранда, любимое место отдыха студентов университета.

– Ты кончай звать меня Грошиком, – говорил по пути Лавр. – Что за дурацкое прозвище.

– Тебя все так зовут, – смеялся Леонид. – И потом, в этом прозвище нет ничего обидного. Слово «грош» происходит от латинского «гроссо», то есть «большой, значительный». Не нравится, смени фамилию. Ха, «Гроховецкий»! Будто горох грохочет.

– Да ты сам сменил фамилию! – догадался Лавр. – Надо же такое придумать, «Ветров». Будто ты всё время ветры пускаешь. А какая у тебя настоящая была фамилия?

Лёня на ходу покосился на него, будто раздумывая, ответить, или нет; видно, решил, что дело того не сто́ит, и продолжил своё:

– А имя у тебя? «Лавр»! Что-то церковное. Ты не из поповичей? Тоже надо сменить, такие имена сейчас не в моде.

– Мне имя отец дал. А раз он погиб, то не мне и менять.

– А он кто был, твой отец?

– Учитель географии, – ответил ему Лавр, и почти не соврал: после ранения на германском фронте князь Фёдор преподавал топографию в школе прапорщиков.

Они взяли четыре пива. Лёня ушёл брать закуску, а Лавр, усевшись за столик, размышлял, что этот чересчур любопытный товарищ может оказаться полезным. У него ведь связи везде и всюду!

А вот и он, с пакетом всякой рыбы.

– Как учил товарищ Ленин, – выложив закуску на стол и удовлетворённо её осмотрев, сказал Лёня, – «вобла, это второй хлеб пролетариата». Ну, рассказывай.

Лавр кратко пересказал сегодняшнюю беседу в деканате. Отметил, что спор его с профессором Лурьё, из-за которого всё и случилось, начался с его реплики: профессор твердил, что люди при феодализме «мучаются», а Лавр ответил, что они просто живут, хоть и трудно. Люди вообще всегда живут в предлагаемых условиях, приноравливаясь к ним. Ну, слово за слово, может, и наговорил лишнего. А добило профессора его сообщение, что даже в самый классический феодализм негоцианты оборачивали громадные капиталы, а в городах и сёлах открыто применяли рабский труд, и потому деление прошлого на «фазы» не имеет смысла.

– Начальству он преподнёс этот разговор так, будто я напал на марксизм. Ведь смена формаций – рабовладения, феодализма и капитализма, в основе теоретических построений Маркса. Теоретических, чёрт возьми, построений! В чистом-то виде этих формаций не было никогда. Я Маркса даже не вспоминал, а Лурьё зачем-то его приплёл.

– Понятно, начётчики, – легко согласился Ветров. – Партия стоит на позициях творческого марксизма, а некоторые учёные застряли на марксизме догматическом. Чистят аппараты Наркомпроса и вузов, чистят, но пока без толку. Сам нарком Бубнов проблемы не видит, а говорит, что вредители в системе образования – это бюрократы, разгильдяи и казнокрады. Про начётчиков помалкивает, троцкист недобитый.

Заметив, что Лавра его слова слегка удивили, пояснил:

– Я про это фельетон сейчас пишу.

– А, фельетон пишешь.

– Но и тебя я не понимаю. На этом факультете преподают теоретические основы. Тебе они не нравятся. Чего ты туда пошёл-то? Ты же вроде увлекаешься техникой.

– Нужно мне. Даже не история как таковая, а результаты практических исследований прошлого. Археология. Находки.

– А зачем?

Лавр мялся, не зная, рискнуть или нет. Можно ли открыться этому малознакомому человеку? Ведь отец завещал ему: «Не говори никому». Но что же делать?.. Он посасывал пиво, щурился на Кутафью башню Кремля. Смахнул со стола занесённый ветром рыжий кленовый лист.

– Говори уже, – не выдержал Ветров.

– Ты не поверишь.

– А ты меня убеди.

– Ещё не вполне понятно, как устроен мир. Не все его законы познаны. Нельзя исключить, что наши теории несовершенны, неточны.

– Ну, и что? Товарищ Сталин уже нацелил советскую науку на объективное и полное познание законов природы. Конечно, хорошо, что ты об этом тоже думаешь.

– Не в этом дело. Вот что скажу тебе: я – ну, не я как я, а мой организм, обладает странным свойством. Я засыпаю на час-два, и пока *тут* сплю, каким-то чудом оказываюсь в прошлом. Попадаю туда голым и ббсым. И живу там целую жизнь.

– Чушь, – фыркнул Ветров. – И к чему ты это?

– Объясняю, почему мне не очень интересны исторические теории. Я теорию могу и сам составить, мне бы там практику пережить. Обычно в прошлом трудно устраиваться. Народ, он добрый, оденет и накормит, а дальше-то что? А вот, если выучить, где какие клады с деньгами были найдены археологами, то получится практическая польза. Зная это, смогу находить *там* средства...

Он замолчал, поняв, что убедить приятеля в своей искренности не сумеет. Тот разводил руками, даже плечи задрал. Наконец, его прорвало:

– Ну, ты загнул! Такого я никак не ожидал.

– Да, это редкий случай. Я больше никого не знаю с такими свойствами. Хорошо бы понять механику процесса.

– Ой, Гроховецкий! Гигант. Натурально, ты меня поразил.

– Я на днях читал в одном немецком журнале про опыты Карла Юнга, – продолжал своё Лавр. – Оказалось, что в определённом эмоциональном состоянии человек способен делать предсказания будущих событий. Таких случаев были единицы, но всё равно количество точных попаданий превышало расчётную вероятность угадывания. То есть человек получал информацию из будущего. А я получаю информацию из прошлого, но и приношу туда свою – информацию о будущем, и в принципе могу влиять.

– Чепуха. Мистика. Бред. Роман ты, что ли, сочиняешь? Если так, иди в Литинститут! Сказочником будешь.

– Нет, я писать не умею. Ни романы, ни сказки. Ни фельетоны. Правда, было, стихи сочинял. Рисую, говорят, неплохо. На гитаре могу что-нибудь изобразить. При царе Алексее Михайловиче гусли освоил. Но они там объявили скоморохов исчадием ада, потащили гусяров и гудошников в Разбойный приказ... Но романы, это нет...

– Потрясающе.

– Не веришь ты мне.

– Ох, Лавр, Лавр... Я думал, ты серьёзный парень. Хотел тебе интересное дело предложить, раз уж ты теперь свободный человек. Но, конечно, в таком ключе мы с тобой разговаривать не будем.

Он встал, застегнул пальто:

– Ладно, ты допивай, а у меня дел невпроворот.

И ушёл.

Но у Лавра в самом деле был опыт дореволюционной жизни!

Заяузье, VIII век

С самого переселения их маленькой семьи в Москву Лавр Гроховецкий жил на втором этаже дома на Чистых прудах, и не видел ничего странного в том, что больше десятка своих путешествий в иные столетия начинал одинаково: падал на соломенную крышу того сельского домика, что стоял там в то или иное столетие.

Незадолго до скандала в МГУ он как раз и попал в прошлое. Но вот странность: он упал не на крышу, а прямо на землю. Впрочем, «приземлился» не больно: земной шар мягко бахнул его в то место, откуда у воспитанного человека изящно произрастают его ноги, и почувствовал, что снизу его колют травинки, а сверху обдумает тёплый ветерок и слегка жарит солнышко. Лето!

Как всегда, попадая в снах своих в прошлое, он был совершенно гол.

Он встал, огляделся.

Вокруг простирался дубовый лес – но не старый, матёрый, а будто прореженный: среди целых дубов и пней в изобилии разрослись молодые берёзки. Легко было сделать вывод, что люди здесь есть, и процесс природной сукцессии, замена дубов берёзами, происходит не без их участия. Но где же они? Во все свои прежние появления в старой Москве он сразу попадал в населённую местность, с домами и дорогами, ведь это было всё-таки Бульварное кольцо, а не какая-то дикая окраина.

Лавр надломил у трёх ближайших к месту его падения берёзок верхушки, чтобы отметить это место, а у дубка выломал ветку и смастерил себе дубинку на случай, если встретится ему недружелюбный зверь. И двинулся туда, куда звал его тонкий ручеёк, и где, по его представлениям, Яуза впадает в Москву-реку. Буквально днями он слышал разговоры, что там, на Котельнической набережной, скоро построят громаднейшую высотку – но это в далёком XX веке, а сейчас здесь, похоже, вообще ничего не строят, и нет никого. Однако люди всегда селятся ближе к воде...

Шёл он лесом под уклон, шёл, вдруг – раз, начались сплошь юные берёзки, пустые места, потом – стена мелкого ивняка, и он, протискиваясь между деревцами, почувствовал под голыми ступнями воду. И выбравшись на простор, увидел, что река Москва значительно шире, чем это было в его настоящей жизни! И Яуза шире!

Он побрёл от берега по пологому травянистому дну, и когда ушёл в воду по пояс, резко обернулся – и ахнул. Слева по берегу Москвы виднелся Боровицкий холм, полностью заросший лесом, и – никакого Кремля. Прямо перед ним – лесистая седловинка и подъём туда, откуда он только что пришёл. А чуть правее Лавра вздымался Таганский холм, высоченный, куда выше Боровицкого. На его склоне с бурой почвой лес был редким, виднелись тропинки и даже почти настоящая дорога, идущая сверху к реке. Наблюдались кое-где столбы дыма. А в нижней части холма – там, где в будущем ожидалось строительство высотки на набережной – дорога исчезала в прибрежном скоплении деревьев, и, судя по крышам и дыму, стояло небольшое село.

Он явственно различал человеческие голоса и лай собаки. Понять, о чём и на каком языке там говорят люди, не удавалось, но что делать дальше, он уже знал. Не впервой.

Переплыв Яузу и выйдя опять на бережок, Лавр насобирав веточек и длинных травинок, и сел плести себе подобие юбочки. Спешить было некуда: солнце не дошло ещё и до полудня, а появиться перед людьми следовало в достойном виде. Первое впечатление от гостя – особенно в его ситуации – это самое важное...

– Будем ключины ковать? – спросил Созыка. – Или на рыбалку, пока утро?

Лавр скривился, что должно было означать: «Рыбы и так полно». Он уже неплохо понимал здешнюю речь, но вот, его-то речь для местных жителей была не всегда понятна, из-за разности словарного запаса.

– Как скажешь, – легко согласился Созыка. Сам он, хотя ковать умел, всё же побаивался этого занятия. Всем ведомо, что железоделание невозможно без волшебства, а он его не знал, и все свои «кузнечные» неудачи сваливал на это незнание. К тому же у него всегда хватало других дел. Но сегодня он был свободен: в поле работы закончены, рыбы и впрямь большой запас, а желающих перебраться на тот берег реки пока нет.

В их вёске на два дома главой был старец возрастом за пятьдесят по прозвищу Угрюм. В одном из домов жил сам Угрюм и его сын Созыка с женой и детьми; в другом – его младший сын с семьёй. Вдова третьего сына, марийка Самигá с детьми, жила в просторной летней пристройке к дому, а на зиму перебиралась в дом Созыки.

Жену Созыки звали Тарусой, поскольку она была родом с реки Тарусы, и у них было несколько детей. Старшие двое мальчиков давно умерли, но третьего так и продолжали звать Третьяком, то есть третьим. Он уже всю работу наравне со взрослыми, а сестра его Чернявка, которой, по представлениям Лавра, было лет примерно двенадцать, и остальные мелкие, чьи прозвища он так и не запомнил, помогали матери.

Кроме домов и пристроек, были в вёске мелкие хозпостройки, в которых содержали козу, курей и свинку с поросятами, хранили урожай и инструменты. Имелся причал, плотно уставленный лодками-долблёнками, и сараи для выполнения разнообразных работ.

Одной из таких работ было кузнечество.

Когда больше месяца назад Лавр, одетый аки первобытный папуас в одну только травяную юбочку, пришёл к ним, быстро выяснились три важных обстоятельства.

Во-первых, детишки и даже молодёжь были одеты легче, чем он сам, то есть ходили голышом, а потому он своим костюмом никого не шокировал. Ему просто вынесли длинный холщовый мешок с дырками для головы и рук, он его на себя натянул, вот и весь разговор. Во-вторых, они смогли общаться: язык этой эпохи сильно отличался от того, что был привычен Лавру, но он уже имел опыт, и смог приспособиться.

А в-третьих – что оказалось для Созыки и его родичей самым главным – Лавр был, по сравнению с ними, чудовищно большой. Даже длинный брат Созыки, Бозыка, едва доставал своей макушкой ему до подбородка. Дети прыгали и кричали: «Великан, Великан»!.. Так его и прозвали Великаном.

Пока бабы хлопотали, готовя трапезу, и потом, пока прямо во дворе сидели за столом из толстых тёсаных досок, Лавр заметил, что печь-то для выплавки металла у них совсем никудышная. А поскольку надо же было ему показать всем, какой он может быть полезный член коллектива, он и решил прежде всего поправить эту печь. Они обрадуются, и, глядишь, постепенно его жизнь здесь наладится. Ему в то время было невдомёк, что Созыка, увиливая от нелюбимого им занятия, нарочно не чинил печь.

Впервые Лавру довелось поработать подмастерьем кузнеца в рязанской деревне, когда он прятался от рекрутчины при царице Анне Иоанновне. Думал освоить это ремесло до тонкостей, но не удалось: он съел что-то ядовитое и быстро вернулся в Москву, в свою комсомольскую юность. Там он взялся изучать теорию. Нашёл у мамы в библиотеке дореволюционное «Краткое руководство кузнечного дела» М.А. Нетыксы, убедился, что рязанский кузнец, мерзавец эдакий, учил его неправильно, и успокоился.

В другие свои «жизни», в Европе и в Азии, ему кузнечество приходилось, но мало. Впрочем, опыта набрался. Теперь здесь, в вёске Угрюма, опыт и пригодился.

Здешняя сыродутная печь, это была просто яма на склоне холма, с естественной тягой. Лавр вычистил яму, слепил новые стенки и, оставив глину сохнуть, налепил вдобавок кир-

пичей, чтобы удлинить воздуховод для организации искусственной тяги. Требовалась кожа, чтобы сделать мехи.

Вечерело. Трещали цикады, зудели комары. В доме визжали дети: им было велено пропитывать воском лúчины, и они, похоже, что-то не поделили. Пахло сырой водой и дымом. Лавр, только что закончив ремонт печи, пытался объяснить мужикам², что ему нужна кожа для мехов, а они не понимали ни слова «кожа», ни слова «мехи».

– Мех? – спросил Созыка, и послал жену за бобровой шапкой.

– Нет, – изнемогая, сказал Лавр. – Шкура без шерсти.

И сделал пальцами так, будто ощипывает себя.

В это время пришёл ещё один муж: невысокий, серьёзный, одетый как все они, но в подпоясанной рубахе.

Это оказался местный князь. Все его так и звали князем или государем, хотя он имел и прозвище: Омам. Бабы кинулись в избы, вынесли мужчинам поясные верёвки; Лавру поясок не дали, он был чужой. Муж подпоясались, выпили медовухи, и началась беседа.

– Откуда ты, чужой? – спросил князь Лавра.

Лавр показал рукой на север:

– С полуночи.

– Издали?

– С самого моря. – Он решил «поселить» себя подальше, чтобы не смогли проверить.

Князь лицом своим выразил сомнение:

– Разве там есть море? Море на полудни, – он указал на юг. – По Волге плавали к морю, и по Дону плавали к морю. Видели.

Лавр кивнул и ответил, стараясь держаться древних представлений о мироздании:

– Вокруг всей земли – океан-море. Если пойдёшь на восток Солнца, там будет море, и на запад Солнца – тоже.

– Ты их видел?

– Нет, государь, – поколебавшись, ответил ему Лавр. Не было смысла рассказывать в этом диком времени о своих плаваниях с арабами в южных морях.

– Не лги, – предупредил князь.

– Не видел, – со всей убеждённостью произнёс Лавр, – но знаю от верных людей.

Минуты на две повисло молчание.

– С полуночи никто никогда не приходил воевать с нами, – вздохнув, сказал князь. – А зачем пришёл ты?

– Я тоже ни с кем не воюю, – ответил ему Лавр. – Я хочу помогать.

Князь усмехнулся, поглядел на Созыку:

– Такой большой, и не воюет. Хочет помогать. Ты в это веришь, Созыка?

– Да, – ответил тот.

Князь перевёл глаза в сторону, посмотрел на плавильную печь:

– Я вижу, ты починил, наконец, кричницу.

– Великан починил.

– Вот как? И ты хочешь оставить его?

– Хочу.

– А ты, Угрюм? – спросил князь у старого отца Созыки. – Можно его оставить?

Дед – а он, как уже сообщили Лавру, был членом совета старейшин – важно огладил бороду и лишь затем кивнул:

² В ту эпоху не было ещё ни уничижительного слова «мужик», придуманного Екатериной II для селян, как второстепенных мужей, ни образовавшегося от него для их именованья слова «мужи́к»; Лавр называл жителей так про себя по привычке. У них самих были в ходу слова «муж», «жена», «дева», «малой».

– Можно.

– Ну, так тому и быть.

Князь встал, степенно со всеми, включая Лавра, попрощался, и исчез в темноте.

Вдовая Самига сходилa в свою пристойку, и вынесла Лавру поясok.

Позже Лавр узнал, что незваных чужеземцев в этих землях, населённых, как он понимал, предками будущих русских, а это были вятичи, марийцы, мурома, мещёра и прочие народности – просто убивали. Он вызвал подозрение: неизвестно, кто и откуда. Нужно было решение местной власти, и сам Созыка сообщил о нём князю...

На следующий день после визита князя Лавр провёл пробную плавку. Руда, разумеется, была болотная, потребовалось её обогащать и выбивать шлаки, многократно проковывая крицу. Он всё это делал и удивлялся, зачем вообще Созыке кузнечество. У семейства было достаточно земли, где сеяли просо и рожь; был огород; держали птицу и прочую живность; рыбачили с берега или с лодок-однодревок и вдобавок подрабатывали, перевозя на малых стругах людей и грузы на ту сторону Москвы-реки. Причём именно ради этой перевозческой деятельности они расположились внизу, у кромки воды, а не на Таганском холме, как остальное племя.

У них есть всё, что угодно! – думал он. Богато живут. В первые дни посмотреть на него, Великана, приходили сверху, с холма, не только дети, но и любопытные бабы. И каждая что-нибудь приносила: одна – кринку коровьего молока, другая масло, третья – четверть кабанчика. А уходили они с рыбой на кукане, рыбой вяленой, или с кадкой рыбы солёной. Точно так же семья Созыки могла выменять на свою рыбу любой кузнечный продукт! Зачем Созыке кузня?

Побывав наверху, он обошёл стоявшую там деревню – которую сами жители называли градом, и обнаружил, что в половине домов, если не больше, варили железо и ковали ножи. Какая-то здесь загадка...

Между тем он с полной отдачей включился во многие дела. Побывал на Кулишках ради добычи руды; поучаствовал в рубке леса на новых полях; сходил раза три по реке в лодке-долблёнке. Вот тогда-то, побалансировав в лодке с веслом в руках – а это при его габаритах было нелегко! – он и решил: ну его к лешему, то есть, к водяному, и выковал две уключины для вёсел. Дырки в борту, чтобы установить их, прожёл раскалённым толстым шилом.

Теперь Созыка требует ковать всё новые и новые уключины, а Лавр уже не рад. Ведь это изделие несвойственно эпохе, и вправе ли он внедрять его? Мало ли, чего здесь нет. Пилы нормальной нет. Арбалета. Штыковую лопату и тачку ещё не изобрели. Карманов у них нет ни на штанах, ни на рубахах, да чего там карманов – нормально кроить одежду не умеют. И пуговиц нет. Ничего нового Лавр не собирался предлагать местному люду. Зря сделал и уключину, думал он. И ведь сделал ради личного удобства! Нехорошо-о-о...

Высокий холм на берегу Москвы-реки, который Лавр знал как Таганский, местные жители называли Швивой горкой. С одного бока холма текла Москва-река, с другого – Яуза, с третьего, ниже Яузы, река Сарá, а завершали окружение её притоки. В общем, холм стратегически был настоящей крепостью. В *его* время Сарá, как и Неглинка, текли в трубах, но учебники писали только о Неглинке, которая здесь была много уже, чем Сарá.

Название своё горка получила по одному из идолов, украшавших углы треугольной земляной насыпи вокруг городца. Он изображал великого Шиву, в народной речи превратившегося в Швиву. Истукан сей, самый старый из трёх, был из растрескавшегося дерева, с северного бока заросшего мохом. Второй идол, тоже старый, олицетворял дух Симаргла, это был священный крылатый пёс, охранитель посевов. Третий, поновее, Стрибог, подарил людям кузнечные клещи и научил выплавлять медь и железо.

Идола Яриле не было, а он в том и не нуждался, ибо и так ежеутренне являлся во всей красе на радость людям, и пересекал небосвод до вечера. Собственно, он был единственным

настоящим богом: Лавр с изумлением понял, что смыслом здешнего «язычества» было единобожие. А остальные «духи» – то, что наука его времени называла богами, воспринимались людьми как разные лики единой природы, порождённой Солнцем, и не более того.

Шива явно был самым старым: у нынешних людей отношение к нему было, как в семье к зажившемуся деду, которого уважать надо, но советоваться с ним по практическим делам уже бесполезно. Пёсьеподобный Симаргл был в чести: Лавр сам видел, как, вымалывая хороший урожай, жители городка повязывали своим собачкам бантики в виде крыльев и шептали им что-то в лохматые уши. А культ Стрибога, как выяснил Лавр, нарочно насаждал глава вятичей Великий господин Вятко, а Вятко – это было не имя, а должность высшего князя. Он жил где-то за Окой.

Комсомолец и атеист, поучившийся на историческом факультете, Лавр понимал, зачем нужна идеология. Кузнецы и плотники кроме своих ремесленных занятий оставались пахарями и охотниками, и если сменявшие друг друга на престоле Вятко-князья заставляли народ верить, помимо Симаргла, также и в других природных покровителей, то уж точно, им это зачем-то надо. Но в целом прогрессивное стрибожье не овладело ещё массами. Массы держались архаики, а новаторам не влетала пока в головы идея уничтожения тех, кто предпочитает веру предков.

Холм и окрестности населяла чуть ли не толпа духов: леших, домовых, русалок и прочих добрых покровителей. Во имя дружбы с ними вятичи обвязывали семейные священные деревья разноцветными лентами, просили прощения у священных ключей, зачёрпывая в них воду, и молились родовым священным камням. Под корнями тех деревьев и под камнями были сходы, куда помещали кувшины с пеплом тел покойных предков. Штыковых лопат ещё не было; имелись только простые «лапаты» типа лап, которыми можно было отгрести взрыхлённую мотыгой землю. Каждое новое поколение несло новые кувшины с пеплом, и опять нагрело землю. Назывался это погребением.

Естественно, в этих камнях и деревьях жили добрые духи! Были, правда, и злые, а самым страшным слыл дед Мороз. Им пугали детей. Ещё суеверий бытовало просто не меряно. Лавр однажды полез на столешницу, чтобы поправить сверху кривой брус. Какой скандал начался! Самига́ и Таруса, рукодельничавшие за разговорами, просто заорали, побросали свои тряпки, и стащили его на пол. Оказывается, ежели на столешницу с ногами лазать, чёрный утащит. Очень мило. Главное, непонятно, кто такой чёрный и куда утащит.

Зато бабы обожали Ладу, хранительницу семьи. Тот, кто сводил молодых, назывался не сватом, а ладилкой.

Лавр сделал вывод, что христианские князья Владимирские, столетиями позже взяв власть в стране, поставили свой Кремль не здесь, а на Боровицком холме лишь потому, что Швивая горка «засажена» языческими болванами и заселена слишком самостоятельным народом. Для них идеология оказалась важнее стратегических соображений; ведь, как ни крути, Таганка – место более козырное, защищённое...

К концу первого года своей жизни *здесь* Лавр стал знаменитым кузнецом: его поделки растекались по огромной площади будущей Москвы и области. А жило-то на этом пространстве мизерное, по сравнению с XX веком, население! На их холме – вряд ли и полторы сотни, ну, с детьми больше. Было по эту и ту сторону Москвы-реки ещё два-три городца в полсотни – сотню жителей, и вокруг несколько десятков вёсок в три, четыре, редко – пять дворов. В совокупности всё это называлось «у нас на Москве».

Первым Великана, как кузнеца, оценили бортники, добытчики дикого мёда. Началось с того, что один из них, приятель Созыки, заказал крюк для лезива, бечевы, по которой он лазил к пчелиным дуплам. И началось:

– А шверинку сковать сумеешь?

– А топорик для вырубki должей можешь?³

Он сковал бортнику и топорик, и маленькую пилу и особую стамесочку. Придумал, как улучшить древолазные когти бортников, приделав спереди острый кованый шип.

Конечно, не только бортники – многие брали его поделки: ножи и косы, подсвечники, ключины, топоры и топорики. А основная масса поделок шла князю, который их складывал в сарае. Так что не только ростом и силой прославился Лавр.

Ближе к концу следующего лета его впервые позвали на вече. Сход был большой! Пришли не только ближние, с Неглинки, куда добежать можно за час-два, но и мужи из отдалённых деревень, с рек Сетуня и Сходня, Чурилихи, Пресни, Химки и Фильки.

Все были одеты практически однотипно, в порты и рубахи из некрашеной домотканой холстины, с различием только в вышивке и поясах. Большинство депутатов и приглашённых, включая Лавра, были в лаптях, пусть даже некоторые сделали их из лыка, раскрашенного в разные цвета. Немногие были в праздничных рубахах. Князь Омам явился народу в алом шёлке, подаренном ему самим Вятко-князем. Некоторые надели нечто вроде жилетки, скреплённой у ворота драгоценным камнем или железной запонкой, а порты у них были заправлены в моршни, своеобразные сапоги из цветной кожи.

Все они были земледельцами, и почти все имели дополнительные ремесленные занятия: кузнецы, плотники, ткачи, гончары.

Князь Омам только что вернулся из поездки к Вятко-князю, который в своём заокском Городёнце, стольном граде вятичей, провёл широкий княжеский сход – и в соответствии с полученными там верховными указаниями предложил Омам вечу москворецкому широкую программу кадровых и прочих перемен. Происходящее настолько походило на всевозможные собрания трудящихся, которые Лавр помнил по своей жизни в далёком советском будущем, что он только глаза вытаращивал.

Сначала совместно протанцевали вокруг «священного места», примыкавшего к вечеровой площади, каменного требища с жертвенником. Потом князь начал свой доклад.

– Всё у вас есть! – вещал он. – И что вы делаете в своей семье, то ваше. А что вы делаете для других, то наше общее у нас на Москве, на реке. И тут я решаю, что и как. А таких, как мы, много по другим рекам, на Оке и Клязьме, на Упе и Лопасне. И везде там, что делают для себя, то их. А что для всех, то общее. А все вместе, и мы, и они, делаем нужное для Вятко, во славу Стрибога. Потому что вся земля наша под его рукой и защитой. И нам так лепо.

– Лепо! Лепо! – закричал народ.

«А класса купцов, наживающихся на торговле, нет. – заметил себе Лавр. – Эх, сюда бы наших университетских профессоров! Вот бы подивились».

Князь Омам, судя по солнечным часам на вечеровой площади, потратил на восхваление Стрибога, Вятко и его мудрости около часа, а потом счастливым голосом прокричал:

– Великому господину Вятко по нраву железо, которое мы ему посылаем! А особенно рад он, какие ножи, и серпы, и топоры делает наш Великан!

Мужи радостно загудели и повернулись в сторону Лавра, благо, он был виден отовсюду, поскольку по росту превосходил всех на две головы.

– Вятко нож, кованный Великаном, взял в свою руку, и хвалил!

Толпа взревела ещё громче.

– И восхотел, чтобы Великан стал главным над нашими кузнецами! Если вы сходите!

– Лепо! Лепо!

После очередного каскада восхвалений князь перешёл к критике:

– Но не во всём нами доволен Вятко!

³ Должеи – прорезы ниже дупла, чтобы соты поднимать со дна дупел вверх, и вытаскивать.

– У-у-у, – загудела толпа.

– Струги наши не нравятся ему! – грозно проревел князь, и все направили сердитые свои взоры на депутатов от Фильки с Химкой, где в основном и строгаги суда речного флота. Но те уже знали, что будет хула на них, и подготовились:

– Пора Прокуду гнать! – крикнул один, начиная прения, а другой добавил:

– Мы, господин, вместо Прокуды привели нового, что будет струги-то ставить! – и вдвоём стали тыкать пальцами в лохматого дядю, красного от смущения.

– На усмотрение веча! – предупредил князь.

Тут же заслушали кандидата и рекомендующих, и провели голосование. Лавр с улыбкой наблюдал, как взъерошенный дядя успокоился, пригладил волосы, приосанился и обдёрнул рубаху под поясом: он теперь – ответственный за дело!

Между тем, территориальный руководитель продолжал критику:

– И мёд наш хуже мещёрского! Недоволен Вятко-князь.

– А-а-а! – закричали бортники. – Мещеряки заговор на пчёл знают! А нам не говорят!

К Лавру подошёл взъерошенный дядя с Фильки, новый мастер по стругам. Задрал голову, чтоб глаза в глаза смотреть, и пророкотал:

– Великан! Только на тебя надежда наша.

– Что такое?

– У нас, Великан, один струг на выданье, и второй через три седмицы⁴ в воду пустим.

– Стрибог в помощь. А я чем пригожусь?

– А вот, уключин почти нет ни одной! А Вятко рёк, чтобы отныне все струги с уключинами были, а не с петлями ремяными. А кто нарушит, того, де, петли-то распустивши, теми ремнями бы драть. Дай нам две дести⁵ уключин железных, новый мастер. А мы взамен дюжину кун дадим, да дётя, да смолы кадку, да лодочку новую.

– О-хо-хо. Их же ковать надо, дело долгое.

– Две лодочки дадим, новый мастер.

– Руду мы найдём, а угли где брать? – страдал новый мастер.

– Привезём! – заторопился лохматый. – На лодьях! Или даже на новом струге! У нас угля много нажгли, из отходов берёзовых. И сома приведём тебе о трёх пудах, поймали надысь⁶, в яме держим. И две лодочки, а ещё дётя и смолы. И полдюжины кун.

– Как полдюжины? Дюжину обещал.

– А сом? А уголь?

– Ладно! Будут тебе уключины. А пясть уключин я дам тебе нонче из своего запаса.

Вечевики шумели и кричали до вечера, потом те, кто не ушёл, уселись пировать, мёдом-пивом запивать. Лавр, из тех соображений, что прежний кузнечный мастер, прозвищем Бурец, наверняка огорчён потерей должности, сел на лавку рядом с ним, чтобы успокоить и выспросить, каковы, так сказать, служебные обязанности мастера. И обнаружил, что Бурец не только не огорчён, а даже всячески демонстрирует, как он рад освобождению от обузы.

– И ты, Великан, скоро воем взвоешь, – тоном язвительного пророка пообещал он Лавру. – Быть над этими всеми мастером, не то же, что самому ковать. Работу я и сейчас могу справить, хоть и стар. Даже ты меня не обгонишь. Но заставить работать таких, как твой хозяин Созыка, это нет, хватит с меня. Князь угадал моё желание всё это бросить.

– Почему хозяин? Созыка мне не хозяин.

– А кто же? Конечно, хозяин.

⁴ Седмища – семь дней, которые в современном языке называют неделей.

⁵ Пясть – кисть руки, ладонь. Десть: две пясти.

⁶ Нонче (нынче, ныне, днесь) – в этот же день, сегодня. Надысь – на днях, то есть вчера, позавчера или третьего дня. Намедни – ненамного раньше, чем надысь, например, пять дней или седмицу назад.

Лавр позвал Созыку:

– А вот скажи, друже, ты мне хозяин, или как?

– Нет, нет, – решительно отказался Созыка, трясая головой. – Что ты! Как можно? Ты мастер! Можешь бросить нас, на гору переехать, на дочке князя жениться.

– Нет, у вас останусь, – ответил Лавр, прикидывая, что надо себе отдельную избу ставить.

– Ты ещё не всё знаешь! – продолжал язвить Бурец. – Теперь при дворе Вятко заведено, что боевые ножи испытывают, бросая в столб при мастере. Если нож неправильно устроен, не летит, куда надо Вятко-князь накажет тебя.

Лавр засмеялся, вынул из-за гашника⁷ нож. Огляделся: невдалеке были ворота знакомого ему бортника, прозвищем Бичелок, с крепкими столбами по бокам.

Лавр крикнул стоящим там:

– Робята, отойдите-ка в сторону! – и, метнув нож, всадил его в столб.

Сказал Бурецу поучительно:

– У меня ножи отцентрованы на ять, – и тут же, сообразив, что Бурец его не поймёт, пояснил: – Правильные ножи у меня, благодарение Стрибогу.

От тех, кто стоял у ворот и восторгался броском Великана, отделился дед Угрюм. Попробовал вытащить нож из столба. Не осилил. Лавр сам подошёл, выдернул нож, приобнял деда за плечи, провёл к столу.

Заговорили про дом Буреца. Он был, как понял Лавр, не личный, а служебный.

– Забирайте его, – сказал Бурец. – У меня есть старая избашка у вала. А к зиме уйду к сыну на Клязьму. Раз уж тут я больше никому не нужен.

Из его блеклых глаз вытекла слеза и затерялась в суровых морщинах...

Осень. Крестьяне закончили сев озимых на старых полях, и вот уже месяц готовят новые, на следующий год. Часть леса – по границам участков – повалили, чтобы при дальнейшем пале не случилось бы лесного пожара. Стволы освободили от верхушек и ветвей, перетащили в городище на строительные и отопительные нужды; у остальных деревьев ободрали кору и подрезали их, чтобы сохли: на следующий год их сожгут, разложив вокруг пней – чтобы и те тоже сгорели – и посеют рожь или просо.

Ещё в июле молодёжь отправилась на родовые пепелища – палища⁸, где их деды, а то и прадеды впервые жгли лес ради посева сельхозкультур. Молодые в память о тех днях и тех родственниках жгли костры и веселились, показывая родовым духам, что они любят их и ценят – в надежде, что те поддержат их усилия по выращиванию урожая в следующем году, когда придут сюда крестьяне с кресалами, и взовётся огонь.⁹

Сгорят трава и ветки, а в остывшую золу они вновь кинут семя...

За прошедшие годы на полях, в силу природных законов, повзростали почти исключительно берёзы, на радость кузнецам. Древесный уголь из дуба или берёзы – лучший для железоделания. Вот поэтому в дни рубки деревьев мастер Великан целыми днями торчал в лесу, ругался с теми, кто норовил утащить лесину себе домой на дрова.

– Хворост бери, загребушие твои руки, – говорил такому Лавр. – Или ёлку. Тебе-то всё равно, чем избу топить, – втолковывал он, – а нам жар нужен. Ты попробуй-ка получить сталь, когда в костре еловые шишки.

Тут же рядом с заготовителями дров ругался мастер Аника, отбиравший лес для строительства и изготовления мебели.

⁷ *Гашник* – деталь одежды, шнурок, продёрнутый в прорези верхней части портов, и завязанный на животе. От него позднее возникло слово «загашник».

⁸ От глагола «палить», или «полить», образовались позже слова «палища» и «поле».

⁹ *Крес* – огонь; *кресало* – огниво, кремь для высекания огня (др.-рус.). КРЕСТЬЯНИН в те времена – это тот, кто занимался подсечно-огневым земледелием. Позже стало общим названием любых земледельцев.

– Куда дуб тащишь! – кричал он. – Берёзу бери! Она мне не нужна, гниёт быстро. А сосну или дуб не трогай!

– Слушай, Аника, – рычал Лавр. – Я не беру твой дуб, хоть он мне и люб. А ты не подталкивай людей, чтобы брали мою берёзу.

В общем, при распределении ресурса личный интерес совершенно явно вступал в противоречие с общественным.

Не доверяя никому, Лавр сам таскал стволы к углежогам, и поглядеть, как Великан с треском прёт сквозь лес громадное дерево, сбегались дети со всех окрестных вёсок. Некоторые висели на стволе у него за спиной, а он и не видел.

И в эти же дни во всех домах бабы одно солили-квасили, другое мололи, третье заливали мёдами или ссыпали в мешки. Они развешивали по стенам связки лука и чеснока; заделывали в кадках щели воском; растаскивали по сусекам, чуланам и ледникам то, чем их семьи будут питаться долгими зимними месяцами, до нового урожая.

Как-то раз Лавр, закончив дела, брёл по посёлку.

– Э-гей, Великан! – окликнул его от своего дома бортник Бичелок. – Зайди-ка, медовухи моей отведай. Тёмную сготовил, и светлую, на травах и цветах.

– Мёд откуда? – спросил Лавр. – Ты обещал того, что со Швицева врага.

– Да, да! Потому и зову! Я там три пуда мёда взял!

– Эх, уговорил. Неси.

Бичелок скрылся во дворе, а Лавр присел на лавку возле его женщин. Бабка Бичелока по отцу, его мать и жена сновали по двору. Все они, как и баба Нюра в его квартире на Чистых прудах, были ведуньями. Вся округа ходила к ним, когда заболел кто из родственников. Все травились от их щедрот, получая отвары и настои, мази и порошки.

Бичелок принёс два изрядных кувшина медовухи, светлой и тёмной, на пробу. Сидели, попивали, болтали о том, о сём. Бортник рассказывал, что зимой пчёлы спят.

– Когда зима лютая, – говорил он, – бывает, иду проверить, как они там. Если им плохо, то надо мёда им подкинуть. Постучу обушком по стволу, а они оттуда: «уууу», слышат, значит. А раз они живы, то и мы живы будем, – и он радостно засмеялся.

– Все так живут. И пчёлы, и векши.

– Да, и векши... А на вашей вёске орехи запасают?

– А как же.

Когда Лавр отправился домой, Бичелок навязал ему в дорогу ещё один кувшинчик медовухи. Крикнул вслед:

– Кувшинчик-то верни потом!

Пришёл праздный день во славу Симаргла, время отдыха. Лавр выспался внаглую, даже не слышал, когда ушли на двор Самигá со своими детишками. Встал, размялся, распахнул дверь и, наклонив голову, выбрался на солнышко. Хоть и срубил он новый дом Самигé и детям её, и сам там же поселился, всё же учёл, что зимой его протапливать нужно будет, и постарался не впадать в гигантизм. Высоту потолка вывел, чтоб своею головой не задевать, и ладно. А дверь поставил, так сказать, стандартную.

Сбегал в «нужный угол». На обратном пути прислушался: бабы чем-то тархтели в сарае, тихонько переговариваясь. Мальчики Самигí за углом дома играли в чирика, остальных детей и мужиков не было ещё видно, видать, спят ещё.

Лавр поприседал на одной ноге, на другой. Помахал руками. Критически посмотрел на лазню бани, решил: нет, сегодня не буду даже заводиться. Баня была мелкая, неудобная, не на его размеры строенная. Пошёл вдоль берега, мимо причалов, к своему любимому «пляжу», скинул с себя всё и с наслаждением бултыхнулся в холодную воду. Плавал, пока не подал голос Бозыка, брат его «хозяина» Созыки:

– Великан! Мне даже смотреть на тебя холодно!

Он, ёжась и обнимая себя руками, стоял на берегу, рядом с кучкой великановой одежды, но тут и Созыка закричал со двора:

– Вылезай! Пойдём наверх, греться!

И они пошли, взяв с собой повзрослевшего уже Третьяка, а главным их предводителем был член совета старейшин Угрюм.

Так уж было заведено, что первую половину светлого симарглова дня мужики гуляли своей компанией, а вторую проводили с семьями. Почему так? Да потому, что два – а пожалуй, что и почти три месяца до этого дня они не виделись. Работали от зари до зари в разных местах. На полях, в лесу, на реке, в кузне, в гончарне. У плавильного горна или у ткацкого станка; с рубанком в руках, или с неводом. А семьи свои – ну, ночью, да. Хотя бы унюхать могли спящих детей и таких же умученных, как они сами, жён.

А теперь – праздник, радость встреч и общения!

По всему городу бегают счастливые собаки с бантиками на шее. У них сегодня тоже праздник: хозяева не жалея выдали им бобрятину: ешь, не хочу. Правда, зайчиков, кабанчиков и куропаток люди оставили себе, ну, так собаки не в претензии. Кости всё равно им достанутся.

Пришли. По небольшому городцу – с точки зрения жителя XX века, по деревеньке средней величины – шатались компании мужчин, человек по пять-восемь; они сходились, расходились, опять набегали друг на друга из-за разных углов. Задача была, чтобы каждый побывал во всех домах и выпил бы там хмельного напитка, и похлопал друзей-соседей, в большинстве своих же родственников, по плечам, и покричал радостные слова.

У ворот дома Бичелока забава: метание ножей. Показать удаль свою в праздник – сам Стрибог велел. Великан с Угрюмом остановились поглазеть на забаву. Остальные к этому часу где-то потерялись. Нож метнул Щелкан, один из кузнецов, подопечный Лавра. Сверкнув на солнце, нож с чётким стуком вонзился в дерево.

– А-а-а! А-а-а! – закричал Щелкан. – Каков я боец?

Лавр пригляделся к ножу, и возмутился:

– Да ты чего, Щелкан? Это же нож моей работы! Тут тебе игра, что ли? Свои ножи кидай. Для чего я вас учу?!

Став главным по кузнечеству, он сначала сам ходил по домашним кузням, а потом решил учить кадры у себя. Объяснял, как держать температуру, как различать по цвету раскалённого металла его качество, как ковать в два, три и пять слоёв. Многому учил, в том числе правилам поковки с оттяжкой, и установлению центра.

– Где твой нож, Щелкан?

– А вот, лежит.

Лавр взял, прикинул на руке, засмеялся:

– Вот с ним и покажи, какой ты боец.

Щелкан трижды кинул нож, и каждый раз он шлёпался о столб плашмя.

– Переделаешь, – велел ему Лавр. – А я днями зайду, проверю.

Из соседнего двора доносилась музыка, вроде скрипки. Лавр отправился туда. Это был дом гончара Толоки, а играла на гудке его дочь Печора, девка на выданье. Она и три подруги пели какую-то балладу про богатыря Селяна.

Лавр хлопнул себя по лбу:

– Девки! Совсем забыл! Ведь я гусли сделал!

Начался общий ор. Как это может быть, чтобы Великан, да гусли сделал?

– Да, сделал. И давно! Из сухого клёна, с жильными струнами. Отложил, чтобы сохло, и забыл. Замотался с делами этими... кузнечными. Сегодня опробую, раз праздник.

– А мы придём! – захлопала в ладоши Печора. – Покажешь?

– Приходите, чего уж. Но позже. Мы с ребятами ещё погуляем. А потом вам поиграю.

– Ой, Великан, а ты ещё и играть умеешь на гусях?

Он засмеялся:

– И пою впридачу.

Мужское гульбище продолжалось с такой интенсивностью, что к полудню, на крики ни у кого уже не было сил. Прибрежные жители, которых практически тащил на себе Лавр-Великан, отправились домой, вниз, чуть не падая с ног. А там во дворе уже готовили стол на вечер. Выпили они ещё по глотку, и завалились спать на сеновал. Ни звонкие крики играющих во дворе детей, ни дым и запахи готовящейся еды не мешали им.

Наступило время баб: они готовили праздничный стол. В ход шли остатки от их же заготовительной деятельности, то, что не пойдёт в зиму. Капуста и огурцы, брюква, редька, репка пареная и яблочко печёное. Праздничная поговорка на Симарглов день: «Что в сусек не вместится, то в брюхо влезет». Пироги, рыба и птица, блюда тушёные и запечённые в горшках и чугунах, грибы. На столе уже вкусно пахла пшённая каша, заправленная солёным лимоном, который придал ей волшебный аромат и цвет, а на вертеле ждал огня уже подготовленный к процессу верчения заяц.

Первым с сеновала спустился Лавр. Обозрев стол, подумал, что в это древнее время живут гораздо лучше, чем будут жить позже, при пресловутом феодализме. Никого, кроме своей семьи, кормить не надо – ведь нет над ними жадного помещика. Ни барщины, ни оброка! Дань Вятко-князю невелика, в армию не забирают...

Юные члены семьи собирались гулять наверху, своей молодёжной компанией. Но узелки с едой им готовили всё же матери! И беспокоились, чтобы детишки, оставшись без присмотра, вели бы себя «хорошо».

Эту ситуацию Лавр тоже мог сравнивать с более поздними временами. Здесь не было жёстких христианских запретов и ограничений. Молодые легко сходились, и легко расставались. Главной ценностью были не безгрешность и страх перед богом, а продолжение рода. Проблема была в другом: практически все молодые «у нас, на Москве» были родичами! А плотские отношения между родичами не допускались, при обнаружении таковых – сразу плети, или пошёл вон из нашего городца. Специальные бабки держали в голове все родственные связи. Невест отдавали на сторону, а своим парням завозили девок со стороны. Свадьбы гуляли осенью, после Симарглова дня, или, как это называл про себя Лавр, «Праздника Урожая».

Трёх из пяти девиц, шедших сверху на застолье в честь бога Симаргла под предлогом «поглядеть на гусли» – их звали Жуйка, Котка и Любава, уже сосватали. То есть их родители, и родители женихов сговорились, и каждая невеста вплела себе в косу не одну, а две ленты, как знак своего нового статуса. Эти девы ожидали струга, который повезёт их в сопровождении мамаш вниз по Москве-реке, к месту её впадения в Оку, в крупный городец Вятич: оттуда их заберёт новая родня. Другие две – Печора и Гуляйка, пока вплетали в косы только по одной ленте, они были в ожидании.

Когда девы, пройдя южными воротами городца, зашагали сверху к их посёлку, туда как раз поднималась компания более молодых по сравнению с ними детишек Созыки и Бозыки, во главе с Чернявкой, которая не доросла ещё до брачного возраста и не вплетала в косу ни одной ленты. Сейчас она вообще шла «космачом», без косы. Встретившись на склоне, две молодёжные группы затеяли разговоры и смех. Услышав их, с сеновала спустились наконец проспавшиеся мужики. Созыка чувствовал себя хуже всех, и сразу со стоном припал к баклажке пива. А Лавр продолжал свои этнографические наблюдения.

Обычно девки ходили с непокрытой головой, но по случаю праздника две невесты возложили на себя венец, обруч из берёсты, обтянутый тканью с вышивкой, а третья – кожаный обруч, побогаче, изукрашенный речным жемчугом. Встречавшие их у дома Таруса и Навка – жёны Созыки и Бозыки, и вдовая Самигá, были в платках. С надвинутых на платки обручей свисали семилопастные кольца, эдакие солнышки из серебра.

Серьги в ушах были у всех, но если у старших – с камнями, то у невест простые. На шеях – серебряные гривны, на перстях – перстни. Любили мужи народа вятичей украшать своих женщин! А те и не возражали.

– Показывай гусли! – звонко закричала Печора.

– Как? – поразилась Навка. – Сначала пожалуйте за стол, отведайте яства.

– И выпить, – просипел Бозыка.

Уселись на длинные лавки и с шутками, прибаутками, вознося славу Симарглу, принялись за трапезу. Рвать зайца верчёного взялся Угрюм, ведь это он его принёс. А наконецники стрел для его лука ковал он, Лавр. Он освободил всех здешних от работы в кузне, отныне они спокойно работали в лесу, поле и на реке.

Женщины выпрашивали у девиц, кто как там у них наверху справился с наполнением закромов. Те тараторили, не забывая пить и закусывать, стреляя глазками в Великана. Из присутствовавших мужчин он был самый молодой, красивый и, главное, холостой. По нему многие в городце сохли, он это знал и иногда пользовался.

– Великан, а Великан! – игриво спросила Печора. – Ты почему не женишься?

Лавр сделал вид, что не слышит. Жениться тут он вообще не собирался. Первичный план был простой: недельку осмотреться, и двинуть вниз по реке, а там Волгой до Каспия, и в Персию. Две полные жизни прожил он в благословенной Персии! Самое милое дело, это устроиться при ком-то, кто служит власти, хоть центральной, хоть местной. Учёные, поэты, садовники или строители шахиншаха или наместника – кто угодно, обеспечат тебе сладкую, сытную жизнь. Главное, не попадаться на глаза самим властителям.

Но в этой древности возникла проблема: движение по реке было ограничено; за рекой наблюдали. Струги строили на реке Фильке, строили мало и маленькие; грузили на глазах князя доверху и отправляли на Оку к Вятко. Иногда ватаги бурлаков притаскивали их обратно, против течения, и опять грузили и отправляли, так что уплыть на них незамеченным было совершенно невозможно.

Не идти же в Персию пешком?!

Вот и застрял он здесь в ожидании оказии. Не исключено, что назначение мастером и скорая поездка к Вятко-князю позволят ему решить проблему.

Объяснить всё это Печоре он бы не смог. А потому, чтобы уйти от ответа, взял в руку огурец и стал оглядывать его.

– Что? – спросил его Созыка. – Налить, что ли?

– Как сюда попал огурец? – спросил его Лавр.

– Бабы, наверное, принесли, – предположил Созыка.

– Да, – подтвердила Навка. – Ешь, милоч.

– Великан не знает, откуда огурцы берутся! – сказала Жуйка, и все засмеялись.

– А откуда дети берутся, Великан знает? – спросила Гуляйка.

Девицы уже изрядно выпили наливки из сизой дерезы с добавкой толики мяты и мёда, и шутили направо и налево.

– Великан! Тебе рассказать, откуда дети берутся?

– Они от огурцов рдятся! – и девки стали хихикать, взвизгивать и пихаться локтями. Сытый Лавр чувствовал себя тюленем среди птичьей стаи.

– А что не так с огурцом? – спросил Угрюм.

– Огурцы – это вьетнамская лиана, – объяснил ему Лавр. – Ну, ладно, лимон – его привезли из Персии. В солёном растворе он любую дорогу выдержит. Но огурцы-то! Откуда здесь рассада?

Никто ничего не понял. Он попытался исправить положение:

– Вьетнам очень далеко, там жарко и влажно, потому там и растут лианы.

– У нас тоже жарко и влажно, – удивился Бозыка.

Лавр только рукой махнул:

– Загадка.

Однако Печору волновали другие загадки, и она требовала ответа:

– Великан! Почему ты не хочешь меня в жёны?

– Что ты! – одёрнула её Таруса, жена Созыки. – Девушку такие речи не личат.

– Девушку не личит оставаться девушкой, – дерзко ответила Печора. – Девушке надо замуж. – Она повернулась к сидевшей тихо, как мышка, вдове и спросила с иронией: – Правильно я говорю, Самигá?

Самигá, опустив глазки, ела пшеничную кашу с грибами, тушенными в сметане с луком. Не желала она обсуждать, с кем жить Великану. Взрослые бабы её понимали. С одной стороны, община заботилась о вдовах. Помогала. С другой стороны, никто, кроме бобылей, ко вдовам не сватался. Двум старикам, что ей в деды годились, Самигá отказала. В ближайшей округе молодых вдовцов не было, но бабы часто помирали родами, и потому оставалась надежда, что ей, молодой ещё женщине, выпадет семейное счастье. Она, конечно, догадывалась, что стараниями добрых свойственников, Тарусы и Навки, весь городец осведомлён о её отношениях с Великаном.

– Да ты подумай, Печора, – рассудительно сказал Лавр. – Разве можно меня в мужья? Смотри, какой я большой. Очень большой!

– Ой, он думает, что большой – это худо! – вскричала Любава.

– Ведь все мечтают о ма-а-аленьком, – подхватила Котка, и они опять стали хохотать, как безумные.

Жуйка отодвинула блюдо:

– Всё, больше не могу. Вниз шла порожняя, а наверх-то полной идти!

– От кого полной? – задыхаясь от смеха, спросила Гуляйка.

– От Великана! – надрывалась Любава.

– Дождёшься от него! – вскричала Печора.

– Девчонки, да что ж это такое? – возмутилась Навка. – Языки ваши без костей.

Из вечернего сумрака выдвинулась фигура князя Омама:

– Мир этому дому! Весело у вас.

Все встали, приветствуя его, и даже девы притихли, одна лишь Любава тонко повизгивала.

– Твой приход – честь нам, господин, – важно сказал Угрюм.

– Здравствуй, князь, – сказал Созыка.

– Так ведь ты у меня сегодня уже был, – ответил тот.

– Был? – удивился Созыка. Детали пьянки он уже не помнил.

– Был, был, – подтвердил князь. Он уселся на лавку, степенно выпил. Сообщил:

– Мисюрё и Невзор подрались. По всей-то улице друг друга гоняли, а потом у меня на вечевом дворе сломали часы Ярилы.

– Ай, как же мы это пропустили! – закручинился Бозыка.

– Худо, – сказал Угрюм. – Завтра к ним схожу, поговорю.

– Сутыргá уже пошёл, – отозвался князь. – Он им задаст!

– Сутыргá важный старец, – согласился Угрюм. – Но пусть он Мисюрём займётся, а с Невзором я разберусь. Его отец мне братом был.

Лавр – ну, раз уж пришлось встать – сходил в дом и принёс гусли.

Князь тем временем перешёл к главному.

– Готовьтесь ехать, невесты. Жуйка, Котка и Любава – пришёл ваш день. Будет струг с верхов Москвы-реки, с тамошними невестами. Заберут ещё двух с Неглинки. Здесь погрузим всё железо и вас трёх, и в путь. И тебя, Великан, пора показать Вятко-князю.

– Хм! – приосанился Великан.

– Завтра приходи, поговорим об этом. С тобой плывёт Бурец, я с ним сговорился.

Все загомонили, обсуждая услышанное, а Лавр взял несколько аккордов и задумался о репертуаре. Хорошо было бы прогудеть им к случаю что-нибудь из оперы «Садко», да только он не помнил ни строчки. Зато, когда уходил в сон, по радио пели песню «Два сокола», и она будто так и застряла у него в голове. По стилю очень сходна с тем, что поют в этой древности! Вот он и запел под гусли:

*На дубу зелёном,
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол – Ленин
Второй сокол – Сталин.
А кругом летали
Соколята стайей...*

*Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался.*

*Сокол ты мой сизый,
Час пришёл расстаться,
Все труды, заботы
На тебя ложатся.*

*А другой ответил:
Позабудь тревоги,
Мы тебе клянёмся —
Не свернём с дороги!*

*И сдержал он клятву,
Клятву боевую.
Сделал он счастливой
Всю страну родную!*

Песня вызвала общий восторг. Впрочем, не сама песня – хотя за соколов немедленно выпили, а то, что спел её Великан, что было совсем удивительно.

Печора всё время его исполнения вязала пальцами какие-то верёвочки. А когда он закончил, она, перебирая вязание в руках, попросила уточнить некоторые непонятные слова. Лавр, как мог, перевёл на местный язык; оказывается, девушка грамотная, умеет вязать узелки, вот и связала песню. Тут-то Лавр и понял, что некоторые известные русскому языку метафоры, имеющие вроде бы переносное значение, типа «нить повествования», «связывать слова», «неувязка» – вовсе не метафоры!

– А что такое Ленин и Сталин? – спросила Печора.

– Это богатыри там, откуда я пришёл, – отмахнулся Лавр.

– Ты, оказывается, великий боян! – похвалил князь. – Если споёшь так Вятко-князю, он тебя к нам обратно не отпустит!

Поднялся шум, все на разные голоса возражали, желая, чтобы такой прекрасный сказитель вернулся бы к ним обратно. Печора, услышав, что Великан может и не вернуться, надулась, да и брякнула князю:

– А сосватай меня за Великана.

– Что ты, что ты! – испугалась Таруса. – Как можно девушке за саму себя просить?

– Только по его желанию, – подтвердил князь.

Печора родилась здесь, а её мать Печорка – в посёлке на реке Печоре, но бабка, её мать, попала на реку Печору отсюда, а когда её увозили к жениху, тут осталось пятеро её младших братьев. Двое выжили, у них родились дети, и сына одного из них, Омама, избрали князем в их земле. Так что князь Омам был ей двоюродным дядей, и она могла обращаться к нему запросто.

– Ты, дядя, бережёшь Великана для своей младшей, для Майки! – крикнула Печора. – Это все знают! Когда она в возраст-то войдёт? Через год?

– Через два, – буркнул князь.

Оксфорд, 2057 год

В лаборатории PP (Praeteritum project, по-латыни – *Проект Прошлое*) службы МИ-7 Министерства иностранных дел Великобритании тянулся обычный рабочий день.

Основной задачей этого сверхсекретного учреждения была отправка в прошлое специальных агентов – тайверов¹⁰ – чтобы они изучали прошлое и меняли его. Учёные вели стратегические разработки по разным континентам и временам: что будет, если изменить то, или это, и как надо воздействовать, чтобы, например, не Иван Грозный завоевал Казань, а наоборот. В общем, рассчитывали флуктуации, которые заставили бы реальность прочих стран резонировать и осциллировать в интересах Великобритании.

За минувшую неделю в тайвинг никого не отправляли. Обрабатывали результаты прежних «походов», и потому событием дня стало возвращение из прошлого агента, которого туда ... не посылали.

Таковым стал один из самых опытных тайверов, полковник Хакет. Внешне происшествие выглядело так: полковник работал за компьютером, редактируя какой-то отчёт, неожиданно упал со стула, полежал, а когда все кинулись к нему на помощь, самостоятельно сел, открыл глаза, огляделся, ощупал себя, и задал странный вопрос:

– Почему меня отключили от аппаратов?!

Когда он упал, началась небольшая суматоха: примчались врач и медсестра; прибежал технический администратор Сэмюэль Бронсон; наконец, приплёлся глава лаборатории профессор Биркетт. Он-то и вынес вердикт, проскрипев с высоты своего роста:

– Итак, мы имеем очередной случай нештатного тайвинга, вне приборов. Мистер Бронсон, подготовьте рапорт с объяснением случившегося. И от вас, Хакет, жду рапорта.

– Да уж, «очередной случай», – хмыкнул полковник Хакет, ощупывая голову. – Уж который за последние годы? Например, я помню, Эл Маккензи возвращался вне приборов.

– Это ещё кто, Эл Маккензи?

– Элистер Маккензи, выпускник колледжа Оксфорд-Брукс. Вы, Биркетт, наверное, не в курсе дела: Маккензи защитил диссертацию, директор Глостер принял его в штаты лаборатории. Сегодня одновременно со мной Глостер отправил в прошлое Эла Маккензи в паре с отцом Мелехцием.

– Очень мило, – лицо Биркетта, как всегда, было деревянным, без эмоций. – Директор здесь я, никакого Глостера я в штат не принимал, Маккензи и его отца тоже.

– Вы – директор?! – изумился Хакет. – Мир перевернулся! – Он встал, присмотрелся к тем, кто его окружал, и проревел: – Что тут вообще происходит? Кто эти люди?!

– Сотрудники, Хакет, ваши коллеги.

– Коллеги? C'est des conneries!¹¹ Да это же сплошь ... [цензура: *басурмане*]! Этот, например, вы посмотрите! Он даже в чалме! Как вы могли пустить в наш круг этих ... этих ... [цензура: *дикарей*]?!

– Сэр, – отозвался тот, на кого он указал, – хоть вы и знаменитый тайвер, но я засужу вас за расизм.

– Меня?.. Мне угрожает какой-то ... [цензура: *туземец*], – но тут Хакет замолк и, беззвучно открывая рот, потыкал пальцем в медсестру. – А это что?

¹⁰ Жаргонное название «тайвер» образовалось, как сокращённое «тайм-дайвер». Суть процесса в том, что приборы снимают волновую функцию каждой частицы тела тайвера, и за счёт излучения нужной частоты в прошлом возникает его физический объём, или «фантом». Тайвер, обмотанный проводами, лежит на кушетке в настоящем, а возникший в прошлом фантом независимо от него живёт в прошлом.

¹¹ Французское ругательство.

– Я медицинский работник, сэр, – скромно доложила та.

– Нет! Она женщина, Биркетт! Женщина в нашей лаборатории, это чудовищно. Здесь никогда не было женщин.

– Я подам на вас в суд за сексизм, – отпрыгнула от него сестра, и с презрением в голосе прошипела: – Мужской ш-ш-шовинист.

– Полковник, возьмите себя в руки, – бесстрастно проскрипел Биркетт.

Хакет быстро остыл – он всё же был немало пожившим, опытным сотрудником.

– Простите, сэр, – сказал он. – Я в шоке, сэр.

Директор велел всем вернуться на рабочие места, а полковника Хакета, во избежание новых инцидентов, увёл в свой кабинет, захватив заодно Сэма Бронсона и незнакомого Хакету молодого и серьёзного Джона Смита, чтобы тот вёл протокол.

– Вы действительно вернулись из прошлого? – кисло спросил Биркетт.

– Так точно! Выполнял задание в Ставке русской армии в Могилёве, в 1917 году!

– Мы вас не посылали в Могилёв... Но если мир, по вашим словам, переменялся, значит, вы своё задание выполнили. Подробности изложите в отчёте, а пока коротко расскажите, в чём была суть задания.

– Суть вот в чём: явиться в виде призрака на спиритический сеанс, в котором участвовал генерал Корнилов, и убедить его не идти на захват Петрограда.

Джон Смит движениями мышки ноута корректировал машинный перевод речи полковника в письменный вид. Биркетт, через свой коммуникатор приказав кому-то поднять все материалы по корниловскому мятежу августа 1917 года, спросил Хакета:

– Как прошла операция?

– Прошла прекрасно! Они вызвали дух Александра Македонского. И я... вы же знаете, сэр, я однажды был Александром Македонским и штурмовал город Тир. И потому...

– Я этого не знаю.

– Ах, да. В общем, надеюсь, они поверили, что я это он. Ведь так и есть, хоть и частично, я – это он. То есть наоборот. Что за мир тут получился, в результате моего вмешательства?

– Сначала расскажите, что за мир был у вас.

– Это был хороший мир, сэр. Я к нему привык. В 1917-м в России власть взял Корнилов. Русские долго убивали друг друга, и, конечно, убили Корнилова. Правителем стал Деникин, и всё шло хорошо, пока он не подружился с немецкими князьями и с Китаем. В 1939 году мы русских победили, Россия развалилась на части, и что вы думаете? – они опять пожелали объединиться и стали кусать нашу добрую руку. Аналитики решили, что надо оборвать эту цепочку в самом начале, то есть остановить Корнилова, вот меня туда и отправили. Но – длинный нулевой трек, сэр! В XX веке нам хорошо удаются только призраки.

– Нулевой трек!¹² Не мучайте меня пересказами того, что я и сам знаю.

Биркетт задумался, а Сэм Бронсон спросил у Хакета:

– А как вы, призрак, добирались до русской Ставки из Англии?

– Ну, как! Ясно, как. При помощи геомагнитного корректора.

– Это что? У нас такого нет.

– Наверняка есть, но иначе называется. Это такая штука, похожая на гигантский магнит, и поднимается, как крыша у автомобиля, у которого нет крыши. Забрасывает фантом тайвера в любое место Земли. А то раньше мы, *Donnerwetter*¹³, расплзались по древнему миру из Англии голышом, как эти... ну, с ногами, но без этих. А, Сэм, ты понял.

– Нет. Не знаю такого. Объясните.

¹² *Нулевой трек* – промежуток времени, когда отправленный в прошлое фантом не набирает ещё достаточной массы, и для стороннего наблюдателя может выглядеть бесплотным призраком.

¹³ Немецкое ругательство.

– Как я могу объяснить чего-то тому, кто сам делал? Ведь это ты посылал в Могилёв группу якобы туристов. Они определили геодезические параметры и установили там, где в 1917-м была Ставка, эти ваши магнитные уловители. И отправили меня так точно по месту и времени, что я даже удивился.

– У нас такого прибора нет.

– Ну и дураки.

– А где этот Могилёв? – поинтересовался Джон Смит.

– Найдёте в поисковике, – буркнул Биркетт.

– Это Белорусская ССР, – объяснил Бронсон, и спросил Хакета: – Кто изобрёл геомагнитный корректор?

– Откуда же мне знать, – усмехнулся Хакет. – Я простой полковник. Знаю только, что того парня звали крейзи-Джек, то есть, его светлость лорд Якоб Чемберлен, внучатый племянник бывшей королевы. Умный, как не знаю кто. Даже, может быть, умнее меня. Но совсем сумасшедший.

Джон Смит записал. Биркетт по селектору приказал кому-то найти в архивах всё, что можно, про лорда Якоба Чемберлена по прозвищу крейзи-Джек.

– Мы много куда с этим корректором попадали! – ударился в воспоминания Хакет. – Смешной был случай, когда меня забросили в Москву, беседовать с тем чудиком по имени Грочик, а там чума! – и он радостно захохотал. – Я оказался внутри избы, голым, среди покойников. А он говорит...

– Это всё в отчёт, Хакет, – велел директор Биркетт. – Мы найдём этого вашего Джека.

– А сейчас у нас какие проблемы с русскими? После того, как я всё исправил? – спросил Хакет.

– Мы дадим вам учебник истории, полковник.

– А если коротко?

– В 1917 году власть в Петербурге взял никакой не Корнилов, а большевистские Советы. Создали Союз Советских Социалистических республик и тучу проблем для свободного мира. И думаю, в нашей реальности Россия стала хуже, чем была в вашей, то есть в прежней реальности, Хакет. Но выводы будем делать, когда получим ваш отчёт и изучим его. Первое совещание проведём через два дня, и я вас умоляю, сдержите свои первобытные инстинкты. Расизм и сексизм у нас под запретом.

– Но согласитесь, сэр, что индийцы...

– Не соглашусь. Извольте соответствовать. Это приказ.

– Есть, сэр! – Хакет щёлкнул каблуками и вытаращил глаза.

– Завтра я извещу начальство и организую совещание.

– Разрешите доложить, сэр! – гаркнул Хакет. – В прошлый раз, когда Эл Маккензи изменил мир, предотвратив спасение русского императора Павла, начальство тоже приглашали на совещание! Без всякой пользы для дела, сэр!¹⁴

– Не нам решать, Хакет!

Далее директор пожелал узнать про отца Мелехция и Маккензи, но полковник мог рассказать лишь о том, что когда его отправляли изображать духа на спиритическом сеансе у Корнилова, одновременно – чтобы выбрать выделенный на этот день лимит энергии – в совместный тайвинг отправились отец Мелехций и Элистер Маккензи.

– Какое задание имели этот отец и его напарник?

– Они ловили русских ходоков во времени. Подробности не знаю.

¹⁴ Эта история описана в романе Дмитрия Калюжного и Олега Горяйнова «Зона сна».

– Продиктуйте имена отца и его напарника Джону Смиту, а вы, Смит, организуйте поиск указанных лиц по всем доступным источникам. Идите работать, Хакет! Отчёт сдадите завтра вечером, на полную версию даю вам неделю.

Через два дня состоялось совещание. Присутствовала мисс Дебора Пэм, помощник премьер-министра Великобритании. Она получила за столом почётное место.

К удивлению Хакета, с торца стола сидел и попил минеральную воду профессор Гуц, изобретатель темпорального колодца: в его, Хакета, прошлом – в том, которого теперь не было – учёный погиб ещё даже до создания лаборатории Praeteritum project, которая, кстати, в той реальности называлась Tempri Passati.

Видеозапись совещания и письменный протокол вёл молодой Джон Смит.

Открыла заседание Дебора Пэм как представитель правительства.

– Я прочитала отчёт полковника Хакета, – поджав губы, сказала она менторским тоном. – Из него следует, что прежняя реальность была выгодна Британии, а вы изменили её к худшему! И в результате, что получили мы за наши деньги? Оказывается, это из-за вас Британия к середине XXI века превратилась во второсортную державу. Даже Соединённые Штаты влиятельнее нас! Половиной мира владеет Советский Союз! И это сделала ваша лаборатория, вмешавшись в события 1917 года.

– Мы можем объяснить, – скрипнул профессор Биркетт.

– Да, конечно. Прежде, чем доложить об этом безобразии премьер-министру – а он непременно сообщит королю – я выслушаю ваши объяснения.

Первыми получили слово историки. Один из них предположил, что руководство лаборатории пошло на акцию, желая избежать скатывания к корниловской диктатуре, а вместо этого сохранить в России демократическое правительство Керенского. Другой развивал идею нелинейности исторического процесса, употребляя такие слова, как «флуктуация», «странный аттрактор» и прочие подобные. Мисс Пэм резко заметила, что, дескать, оставьте эти сложности для научных дискуссий, а ей надо максимально простое и ясное объяснение, которое она могла бы доложить премьер-министру: почему реальность изменилась в пользу большевиков?

– Потому что, – сказал главный аналитик, секретный настолько, что имени его никто не знал, а в штатном расписании он был записан, как Историк Первый. – В результате вмешательства Лавр Корнилов не стал вводить войска в Петроград, а остановил их на подступах, и потратил несколько часов, пытаясь вызвать к себе в Ставку Керенского. А когда решился продолжить наступление, оказалось, что агитаторы правительства и Советов уже перетянули на свою сторону почти все войска, кроме Третьего конного корпуса и «Дикой дивизии», набранной из горцев Кавказа и дехкан Средней Азии.

Историк по имени Абдулла Джавдат дополнил картину, сообщив, что как раз в те дни в Петрограде проходил общероссийский мусульманский съезд. Муллы заявили о поддержке демократии, обратились к единоверцам с воззванием, и «Дикая дивизия» тоже прекратила наступление. Корнилов остался без армии, и вскоре был арестован.

– Не понимаю, как это помогло большевикам, – удивилась мисс Пэм.

– А вот как, – сказал ещё один секретный сотрудник, а именно Историк Второй. – Большевики единственные выставили против мятежников людей с оружием, свою Красную гвардию. И за три дня в эту гвардию и в их большевистскую партию записалось пятнадцать тысяч рабочих Петрограда. На этом красные подняли свой авторитет. Если раньше об их маленькой партии вообще мало кто знал, то теперь она выросла в два раза и получила большинство в Советах.

– Этого, конечно, наши коллеги из параллельной реальности не могли предвидеть, – сказал Историк Первый.

Один из участников совещания брякнул: «В общем, большевики оказались лучше всех», и вызвал бурю негодования. Кто-то закричал, что этот участник – сам коммунист, и не наступать ли ему по лысине. Директор Биркетт схватил бронзовый колокольчик и позвенел им, чтобы призвать участников к порядку. Когда все умолкли, он сказал, что надо соблюдать регламент, а не кричать с мест.

– Может быть, свободное обсуждение – это не так плохо? – спросила мисс Пэм. – У вас довольно интересно, хоть и шумно.

Биркетт пожал плечами, но спорить с начальством не стал.

– Да! – ухмыльнулся Хакет. Он был важной персоной: собрались-то из-за него, и потому мог наплевать на любой регламент. – В прежние времена, при бывшем директоре докторе Глостере, так и было. Свободное обсуждение. А сейчас, *perbacco*¹⁵, какой-то либерально-монастырский орден. Я люблю армейский порядок, но ведь здесь не армия.

А когда все окончательно успокоились, он обратил внимание на то, что в его «прошлой жизни» помощником премьера была отнюдь не мисс Дебора, а некий Джон Макинтош, однокурсник технического администратора их лаборатории Сэма Бронсона. И как представитель премьера, сэр Джон одобрил акцию против генерала Корнилова.

Разумеется, этого Макинтоша никто не знал, кроме Сэма, который от Джона мгновенно открестился, заявив, что мисс Дебора в роли помощника премьера нравится ему больше, чем мог бы понравиться Макинтош.

– Джон хороший парень, – сообщил он, – только вряд ли бы он смог справиться со столь сложной работой, какую ведёт мисс Дебора. Максимум, на что его хватило – это писать пустые статейки для «Таймс». Вы все, наверное, их читали.

– Нет, – отказалась мисс Пэм. – Я вашего Макинтоша не читала, и не буду. Тот, кого мистер Хакет назвал бывшим директором – как его? доктор Глостер? – допустил вопиющую некомпетентность, организовав вредную акцию против Корнилова. Генерал, конечно, мог превратиться в диктатора, но это был бы *наш* диктатор. А ваш приятель Макинтош, способный только статейки пописывать, потворствовал вредной акции. Спросить бы с обоих, да закона такого нет. И где он, этот Глостер?

– Поиски показали, что в Англии есть трое учёных по фамилии Глостер, подходящие по возрасту, но ни один из них никогда не рассматривался как кандидат на должность директора лаборатории РР, – дал справку Биркетт. – Фотографии их были показаны полковнику Хакету, который не опознал никого из них.

– Точно, какие-то посторонние олухи, – подтвердил Хакет. – Видать, наш прежний директор в вашем мире не родился. Или занялся коммерцией, что, по сути, то же самое.

Перешли к обсуждению исчезновения других, кроме Глостера, персон.

Запросы об о. Мелехции – представителе неизвестно какой религии, направили во все имеющиеся в Англии церкви и монастыри. Ответы получили пока не от всех, но те, кто отозвался, такого не знают. Поиск в светских источниках невозможен, поскольку полковник Хакет не смог назвать подлинных имени и фамилии Мелехция.

Элистера Маккензи на сайтах колледжа Оксфорд-Брукс не нашли: человек с таким именем этого учебного заведения не оканчивал, никогда там не учился и даже туда не поступал. Не знают его и ни в одном другом колледже Англии или Шотландии.

Не смогли найти также изобретательного лорда крейзи-Джека: в семье Чемберленов в интересующий период рождались только девочки, и весь род вот-вот исчезнет навсегда.

– А знаете, что люди не только исчезали, но иногда и появлялись? – поинтересовался Хакет. – Например, директор Биркетт. Я сам был на его похоронах, а потом он вдруг оказался

¹⁵ *Пербакко* – старинное итальянское восклицание, обращение к богу Ваху, сродно русскому «Господи!». Возникло из латинского *per Vasso*; к настоящему времени приобрело лёгкий негативный оттенок.

жив. Или профессор Гуц: в моём прежнем мире его убили сразу после первого удачного опыта с темпоральным колодецем. Я его, правда, не хоронил, потому что в то время ещё командовал ротой в Белфасте, но что он умер, все знали. Доктор Глостер, тот, который не родился, надеялся убедить полицию, что Гуца убили пришельцы из будущего. Тогда полицейские решили упрятать доктора в сумасшедший дом, и он успокоился. Теперь мистер Гуц жив, зато его портрет со стены исчез, – и в подтверждение своих слов Хакет указал пальцем на стену. Там действительно не было портрета учёного!

– Я, – сказал профессор Гуц, – удивляюсь не тому, что меня убили в предыдущей реальности, а тому, что я там вообще был. Моё рождение и там, и тут – невозможное событие! Вот, смотрите. В нашей истории Британия, совместно с американцами и русскими, воевала против Германии, которую и победили в мае 1945 года. А мой дед был немцем! Он жил в Берлине, играл на скрипке в оркестре при Рейхканцелярии, и призвали его в самом конце войны, когда немцам было уже не до оркестров. И он под Кёнигсбергом попал в плен к русским. Когда вернулся в Берлин, познакомился с моей бабкой, сотрудницей комендатуры английского сектора. Позже они переехали в Англию.

Гуц, заметив, что Джон Смит со своим компьютерным переводчиком речи не успевает за ним, замолк, оглядел своих слушателей, и продолжил:

– Понимаете? В том мире, откуда вернулся мистер Хакет, в середине XX века тоже была война, но – Англии с Россией. Там нет условий для встречи моего деда с бабкой. Бабка не могла бы служить в английских оккупационных войсках в Германии, а потом иметь детей от моего прадеда. А между тем, по словам мистера Хакета, я там родился. Невозможно. Это парадокс вне системы.

– О, нет! – возразил Сэм Бронсон. – Если ваш дед был таким великим скрипачом, что служил в правительственном оркестре, ваша бабка могла пожелать познакомиться с ним и просто приехать в Берлин. Вот вам и ответ.

– Этот парадокс, – хмыкнул полковник Хакет, – только подтверждает правило.

Все согласно загомонили.

– Нет, – не согласился Гуц. – Моё рождение там – невозможно.

Мисс Дебора Пэм на этом собрании учёных держала себя так, что каждый мог понять: она не только компетентна и эрудированна, но и прекрасно ориентируется в происходящем. На деле же ей было ясно далеко не всё, и она выдала себя, спросив:

– Если полковник работал у вас много лет, то почему он не помнит свою жизнь?

– Да, кстати: почему? – заинтересовался Хакет. – Всё, что было со мной до отправки в гости к Корнилову – в той лаборатории, где был доктор Глостер, но без профессора Гуца, я помню. А здесь для меня все, кроме мистера Биркетта и, вот, Сэма Бронсона – а, да, и двух историков – незнакомцы! Давай, Сэм, объясняй.

– Так ведь в тайвинг вас, полковник, опраивляли со старой матрицей памяти, вот она и вернулась. Она ж первичная, приоритетная для физического мозга.

– Вроде не было у меня матрицы памяти, – задумался Хакет. – Или была?

– Так это же информационный сгусток вашего фантома! Того, которым вы стали, уйдя в тайвинг из той реальности. Он и вернулся в этого Хакета, потому что ввиду исчезновения прежней реальности только его и смог найти. Понимаете?

– Естественно. Но ведь тот я, который жил здесь, тоже чего-то соображал и что-то делал. Так?

– Да.

– Ну, и куда же делся *его* сгусток матрицы?

– Первичный Хакет – то есть вы нынешний – его заменил.

Опять вмешалась мисс Пэм:

– Но всё же: где память того Хакета, которую он заменил?

– С физической точки зрения, она осталась там же, где и была. Только связи с ней нет.
– Люблю беседовать с умными людьми, – произнёс Хакет в пространство. – Всегда всё объяснят.

– Для примера: вы, конечно, знаете принцип работы файловой системы компьютера?

– Да-а-а! – уверил Хакет. – А как она работает?

Мисс Пэм изобразила лицом своим, что и она тоже причастна к высшим компьютерным тайнам, но на всякий случай промолчала.

– Диск памяти разбит на блоки определённого размера, – сообщил Сэм. – В них в произвольном порядке записывается информация, причём данные одного файла могут располагаться в блоках, находящихся как по соседству, так и вдалеке друг от друга. А ещё на диске имеется таблица, в которой к названию каждого файла привязаны адреса расположения этих самых блоков на диске. При удалении файла информация не исчезает, однако запись о её расположении – стирается из таблицы.

– Насколько проще было с информацией в старину! – прокомментировал его сообщение Хакет, и со вкусом добавил: – Помню, жгли мы библиотеку в Полоцке...

– Нет, позвольте: что, и в моём мозгу есть какая-то таблица? – спросила мисс Пэм.

– Конечно, мозг человека сложнее, чем компьютер, – во все свои зубы улыбнулся ей Сэм Бронсон. – Мы в лаборатории два или три раза наблюдали эффект «рудиментарной памяти», когда тайвер вдруг получал доступ к «исчезнувшей» информации.

Сложный мозг мисс Пэм обдумал это, и она сурово спросила:

– Так почему же вы не спасаете память сотрудника, чтобы нынешняя информация оставалась, а память тайвера исчезала?!

Все: и технари, и историки, притихли. Но поскольку высокое должностное лицо ожидало ответа, затяжка выглядела бы неприлично – и директор Биркетт дал ответ:

– Если поступать так, как советует Ваша милость, наша работа потеряет всякий смысл.

...Когда собрание закончилось, и полковник Хакет сидел уже за своим рабочим столом, продолжая вспоминать и записывать историю исчезнувшего мира, ему позвонил начальник охраны.

– Сэр! – сказал он. – Какой-то человек стоит у ворот и хочет говорить с вами. Его зовут отец Мелехций.

Ока – Беспута – Дон, VIII век

– Но это же чудо! Чудо! Два ножа в одном! – восклицал Вятко, перекидывая рукоятку на «двойном» ноже работы Великана. Один клинок был прямой с плавным подъёмом лезвия, другой с седловинкой сверху и сужающимся лезвием, переходящим в шило. Рукоятка крепилась на установленном по центру штифте, и, имея внутренний пропилен, могла скрывать/открывать нужное мастеру лезвие, с фиксацией дополнительным штифтом. Нож предназначался для кожевников.

Собираясь к Вятко, Лавр ожидал встретить сурового воина или умудрённого годами старца. А встретил молодежого, любознательного, весёлого человека. Позже-то он убедился, что князь – и воин, и мудрец, разве что не старец. При этом он был истинным сыном своего народа: доверчивый, наивный в вопросах мироустройства, любитель поговорить и не дурак покушать.

Перед ним лежала горка железных поделок москворецких мастеров: топоры, мотыги; большой нож-«косарь» и многое другое. Он осмотрел их, и сразу схватил новаторское изделие Великана – перекидной нож, и теперь с радостной улыбкой любовался им, испытывая, видимо, такие же чувства, какие испытал сам Лавр, впервые увидев патефон.

– Едут уже купцы, – сообщил князь. – Гонец прискакал с Дону. Бает: приплыли, на лошадох свой товар сгрузили, отправились к нам. С ними посол из Багдада и трое с Дербента. Вот я их удивлю, – и опять поиграл ножиком. – Твоя работа?

– Моя, Великий государь, – ответил Лавр и снял тряпки с ещё одной своей новинки. Это было короткое копьё с закреплённым ближе к острию округлым топориком. Или, если угодно, топорик на длинной ручке, дополненный кованым остриём копья.

– А это что? – спросил князь, увидев изделие.

– Секира. – Лавр не видел современных образцов подобного оружия, но Бурец говорил, что ему приходилось такое делать. И, похоже, опять нахвастался: князь секиры не знал, что стало ясным из его восторженного крика:

– Копьё! С топориком!

Схватив оружие, он выскочил на двор и стал прыгать, делая выпады и размахивая им.

– У вас их что, нет? – спросил Лавр, выходя вслед за ним.

– Нет. Уж это мы купцам заморским не покажем. Для себя будем делать!

«Опять я обогнал время», с досадой подумал Лавр. Он знал, что русские, пока к ним не полезли вояки со стороны, не имели даже меча, уж и не говоря о воинских доспехах. Во внутренних стычках обходились кулаками, или не очень длинными ножами. Валы вокруг сёл насыпали не против людей, а из опаски диких зверей. Первые в истории захватчики, хазары, появились тут лишь несколько десятков лет назад, и здешние встретили их, имея одни ножики и топорики. Позже придумали секиру. А европейцы свою алебарду, помесь топора, копья и багра, создадут ещё через пятьсот лет.

Вот и сковал он простейшую секиру! И не угадал. Впрочем, задачу, поставленную князем Омамом, выполнил: убедил Вятко, что москворецкие мастера лучше всех.

– Ты большой волшебник, – с уважением сказал князь.

Лавр понял мысль вождя вятичей, и не стал спорить. Только улыбнулся. По представлениям этих людей, нож – честный защитник, не подвластный злему чародейству врага в силу того, что, когда он был расплавленным металлом, и затем, пока корчился под ударами молота, он впитал в себя доброе волшебство своего мастера.

Нынешний Вятко, выходец из семьи гончара, проявил себя хорошим военным вождём во время стычек с хазарами задолго до появления здесь Лавра. Затем он возглавлял пограничную стражу, так называемых «соловьёв», передававших информацию о появлении врага свистом.

Главным князем его избрало вече пять лет назад после смерти предыдущего князя. Останься он гончаром, не посмел бы задавать кузнецу вопросы о секретах его искусства. А выбранному пожизненно князю можно!

Одет он был в простую рубаху с вышитым рисунком, в порты из холстины, и подобие кафтана без воротника. На ногах – изящные лапти, плетённые узорами, из крашеного лыка. Разговор их начался с совместного творения молвы Стрибогу. Проявив уважение богу словом, они уважили его, отведав напитка и вкусив яств. Организмы откликнулись радостно, что значило: бог жертву принял. После этого и стали говорить о делах.

Поиграв секирой, князь вернулся в избу. Они сели на лавки.

– В чём сила волшебства кузечной? – с любопытством спросил бывший гончар.

– Руда – это железо с ненужными шлаками, – взялся объяснять Лавр, так, чтобы его мог бы понять восьмилетний ребёнок *его* времени. – Когда горит уголь, он плавит руду, вредные штучки, которые в ней есть, уходят, а часть углерода растворяется в железе. Если углерода в железе окажется много, то это плохо: рассыпается при ковке. Если же углерода мало, железо гнётся. Если правильно провести плавку, то углерода внутри железа останется ровно столько, чтобы получилась сталь.

– Их не видно?

– Кого?

– Углероды и шлаки.

– Нет, люди их не видят.

– Вот. Эти духи, как Лель и Лада: их тоже не видно, а они лад в семью приносят, по воле покровителя нашего Стрибога.

И князь – высший жрец Стрибога, удовлетворённо откинулся к стене.

– Можно и так сказать, – изумился Лавр.

– Угощайся, – предложил князь, указывая на стол. Там были кувшины с напитками, пряники, сушёные яблоки и дары восточных стран: изюм и грецкие орехи. Сам же он встал и прошагал к здоровенному сундуку с набойным металлическим узором, откинул тяжёлую крышку, погромел чем-то и достал оттуда ещё ножей, причём в ножнах.

Оказалось, это импортный товар.

– Вот какой красивый, – сказал князь, вытаскивая один из ножей. – Смотри, с узорами.

Лавр взял нож, прошёл к двери, посмотрел изделие на свету.

– Вижу. Кручёный харалуг из Дамаска.

– А ты бы такое смог? – вроде бы равнодушно, но с хитрым лицом спросил князь.

– Конечно, Великий господин. – Лавр пожал плечами. – А зачем? Это же декорация.

– Что?

– Для красоты сделано. Угля надо сжечь в два раза больше, и металла прогорит больше. Получим узоры – а зачем? Такие ножи делают для богатых глупцов, которым красота важнее пользы. А по свойствам – наши лучше.

– Ха! – удивился князь. – А такой? – и подал следующий клинок. – Что скажешь?

Лавр опять продефилировал к двери, но теперь он рассматривал поверхность ножа дольше. Поворачивал, чтобы солнце отблескивало, зайчиков пускал. Сказал задумчиво:

– На сильном морозе этот нож, я думаю, развалится.

– Так и есть! – князь в восторге хлопнул себя обеими руками по коленам. – Мне их привезли, я сыновьям подарил. Младший пошёл зимой на охоту, еле живой прибежал: встретил, говорит, шатуна, а нож-то затрещал, да по трещинам и рассыпался. Только и успел шатуна поранить.

Лавр довольно засмеялся:

– Конечно. В этом ножике к железу и углероду подмешался фосфор. Поверхность кажется прочной. Вот, даже царапины затянуло патиной. Но фосфор коварный! В мороз железо с ним ломается.

– Фосфор! – восхитился князь. – Никто мне про него не говорил. А ты знаешь. Да? Знаешь?

– Знаю. Там, где его делали, такой нож хорош. У них зимой тепло! А нашу зиму не выдержит.

– Вот, Великан. Семья, если третий кто вмешается в её дела, развалится. Вот и здесь: фосфор помешал железу и углю сохранять твёрдость. Хорошо, что у нас фосфора нет.

– Как это? Есть. В руде, если она чёрная с коричневыми жилами, много фосфора. Проковывать приходится лишние разы, выгонять фосфор, а то железо получится хрупким.

Князь изнемогал от счастья, что у него завёлся такой знаток. Спросил:

– А сама-то руда, ведь она от Стрибога! Кто же тогда вредное в неё намешал?

– Вообще-то, болотная руда – побочный продукт жизнедеятельности анаэробных бактерий, – брякнул мастер, и тут же поправился: – Слава Стрибогу!

– Уууу! – взвыл князь, едва не в экстазе.

– Бактерии тоже невидимые, – осторожно сказал Лавр.

Князь смотрел на Великана с умилением и молчал, а потому Лавр спросил:

– Когда мне, Великий государь, обратно на Москву плыть?

– А не спеши, – помахал пальцем Вятко. – У нас тут много кузен – видел, небось, дымы? Научи наших ножики такие делать о два лезвия, и топорики копейные. А ещё подождём, пока Бурец и робяты все меха москворецкие сюда перетаскают, и мёды, и глины, и пока купцы заморские придут, а мы с ними сговоримся, и в обратный путь струг твой нагрузим... Поживи пока у меня. Говорить буду с тобой.

Такой план Лавра устраивал. Появлялась возможность стакнуться с иностранными купцами, да и уйти с ними на юг. Но сделать это надо было так, чтобы все думали, будто он на Москву пошёл. А то ведь снарядит Вятко погоню...

Тот, между тем, подумал о чём-то и, вздохнув, молвил:

– Сколько лет приезжал ко мне с Москвы-реки Бурец, про волшеббу кузнецкую рассказывал... И другие многие о том говорили. Но никто не знает про духов больше тебя.

Стольный град вятичей – Городёнец, где держал стол свой Вятко, устроился на водоразделе многих рек, и не случайно: в этих лесных местах передвигаться можно только по рекам на лодьях, кое-где на стругах, а зимой на санях, опять же по рекам, но по льду.

А сухопутные лесные тропы зимой пропадают под снегом.

На запад от Городёнца текла Сежа, впадая в самый полноводный приток Оки, Упу. На север – Венёвка, приток извилистого Осётра, который бежит до той же Оки. Восточнее, в устье Мутёнки на Оке, вятичи строили свои плоскодонные струги. А центром торговли был городец на противоположном берегу Оки, в месте впадения в неё реки Москвы – зимняя столица Вятко, получившая от иностранных купцов собственное имя Вятич – в XX веке город был известен Лавру, как Коломна.

Южнее же Городёнца реки текли в Дон. По Дону и притокам, а затем лесными тропами в столицу попадали купцы из Дербента, греки из Царьграда через Чёрное море, и по Дону же, или от Каспия водным путём приплывали купцы из южных стран. Их привлекало русское железо, прежде всего ножи, равных которым трудно было сыскать в Азии. А кроме железа, купцы покупали у вятичей меха, мёды и мамонтовый бивень.

С этими товарами они уплывали домой вниз по течению рек, то есть могли взять много груза! А путь сюда, в Городёнец, им приходилось проделывать вверх по течению – на вёслах, временами тягом. В таких условиях тяжёлое не повезёшь! И чтобы выменять себе железо, они

предлагали вятичам на обмен то, что мельче и легче: серебро в монетах, драгоценные камни, бусы из керамики, лёгкие шёлковые ткани и пряности.

Удерживая монополию внешней торговли, Вятко золото брал в казну, а импортный товар, полученный по бартеру, распределял среди местных князей. Самыми полезными были, конечно, пряности. На втором месте – ткани. Серебро в качестве денег вятичи не воспринимали, у них было своё средство обращения – кожаные куны. Поэтому серебряные монеты шли в переплавку на серьги и кольца, браслеты и броши, изготовление ножен.

От Буреца ещё в первый день их прибытия в столицу Лавр узнал, где гнездятся местные ювелиры, и отправился посмотреть, что там и как.

Мастерская размещалась в открытой пристройке к избе, ведь ювелирам нужно много света. Там работали двое молодых ребят и их мастер, мелкий старый дед, по лицу – совсем не вятич. Великан, войдя туда, занял собой всё пространство и ограничил доступ света. Как раз в эту минуту дед, изукрасив жемчугом очередные ножны, отложил их в сторону, и решил посмотреть, кто застит свет. Ему пришлось долго поднимать глаза свои, всё выше, и выше, пока он не уткнулся взглядом в глаза Лавра.

Осознав величину гостя, дед ошеломлённо произнёс имя греческого бога-великана:

– Афто́ Герáклус!¹⁶

Лавр взял новые ножны в руку, оглядел их, и похвалил работу тоже по-гречески:

– Эксэрэтыка!¹⁷

Дед аж подпрыгнул на своей скамье:

– Милáс элиника́! Апó пу йсэ?

– Кали́тэра ми ротáс, – от души посоветовал ему Лавр.¹⁸

Звали деда Герасимом, имел он когда-то ювелирную лавку в Дамаске и, как все там, был крещён в христианскую веру. Вдруг пришли проповедники из Аравии, принесли новую веру, а Герасим, будучи греком, остался верен своему Христу. Оно бы и ладно, так бы там и жил, но вдруг христианам запретили работать с серебром и золотом.

– Мог бы прикинуться своим. Ты, небось, и по-арабски говоришь?

– Говорю, а что с того? Ведь они знали, кто я. Так-то жить не мешали, но...

– А сюда ты как попал, бедолага?

– Был у меня ученик из этих мест. С ним я сюда и ушёл. Он тогдашнего Вятко-князя уговорил, чтобы пустили меня. А теперь умер уже. Что было делать? В Дамаске меня лишили работы, а уйди я в Царьград, там таких ювелиров целая гильдия, и кто им я. Да и христианство у нас разное... знаешь.

– Ну? А здесь как со Христом? – полюбопытствовал Лавр.

– Вятко не разрешает проповедовать, а так жить даёт. А я и рад. Сделал себе иконку, молюсь. Бог помогает. Сытно, и работать можно. Ваш язык изучил. Живу...

– Имя себе сам придумал? – спросил Лавр, улыбаясь. «Герасим» значит «почтенный», но вряд ли кто из вятичей догадался назвать так чужого грека, а греки тоже не могли присвоить такое имя этому невзрачному и невезучему дяде.

Герасим засмеялся, хитрец.

– Не скучно, без своих-то? – продолжал допытываться Лавр.

– Скучаю по апельсинам, фигам и финикам. Квас не приемлю. И холодно здесь. Бр-р.

¹⁶ – Это Геракл! (греч.)

¹⁷ – Замечательно! (греч.)

¹⁸ – Ты говоришь по-гречески! Откуда ты? – Лучше не спрашивай.

Его подмастерья смотрели на них, говорящих непонятно, открыв рты. Через пять минут после ухода Великана о том, что он общался с Герасимом на его языке, знали все соседи. Через десять минут – все жители городка.

В этой жизни Лавра удивляло, насколько она, при всей схожести с той, откуда он прибыл, другая. Будто игрушечная. То есть, всё – настоящее, но... мелкое. Есть власть: Вятко, который всерьёз казнит и милует, назначает и снимает с должностей, ведёт дела с зарубежными князьями и руководит церковью. Есть «министерства», реально ведающие войсками, дипломатией, внутренними делами и внешней торговлей, во главе с боярами. Но в каждом таком «министерстве» всего по одному – два человека! Пограничная стража – которая и в самом деле охраняет границу! – сотня «соловьёв» на всю страну. Офицерский корпус – трое воевод, при нужде собирающих ополчение. Битвы – драки на кулачках и ножичках до первой крови.

Вся их экономика – это простое домашнее хозяйство. На нужды князя и его, с позволения сказать, «аппарата», с каждой местности – да хоть с нас, от Москвы, сдают по несколько десятков кадушек мёда и немного другого продукта. Вся внешняя торговля – мешки с ножами и с меховой рухлядью, и опять же кадушки с мёдом. Транспорт: лоды в два весла, мелкие струги и волокуши с лошадами, причём запрягают не больше одной. Колёс нет, ибо в лесу их использовать невозможно. Дуг, оглобель и дышел не придумали, режут из кожи простейшую ремennую сбрую. А им больше и не надо!.. Ах, да: к зиме готовят сани и строгают лыжи.

Сам-то стольный град, Городёнец – деревня деревней: топящиеся по-чёрному избы, поставленных без всякого плана, и обнесённые общим частоколом с двумя воротами!

Лавр, покинув ювелиров, неспешно прошёлся по кругу и за десять минут вышел в центр, к вечевому двору возле избы Вятко, а там его ждал уже главный княжий дознаватель, боярин по разбойным делам прозвищем Надёжа. То был мужчина с густым седым волосом, с широкой бородой, со знатными усами и бровями, и с резкими морщинами на лице. Они виделись в доме князя, но не общались. Теперь Надёжа подошёл к нему, задрал голову и без всяких околичностей учинил допрос:

– Вятко-князь удивлён зело. Как так, что ты знаешь эллинский язык, Великан?

– Встречал я эллинов, – деланно удивился Лавр. – Научился.

– Но это невозможно! Ты пришёл с полуночи, а там эллинов нет.

– Есть они, есть. Эллины везде есть. Долго ходил. Разных встречал, – напропалую выдумывал Лавр. – Вот и выучил несколько слов.

– Ты не сказал об этом ни князю Омаму, ни мне, ни даже самому Вятко. А тебе известно, что чужаков мы не любим и проверяем. Много лиха от них!

– Я не чужак! Я на Москве два года живу!

Разговаривая с ним, Надёжа время от времени поглядывал в сторону городских ворот, будто чего-то ждал, но хватка его не ослабевала:

– Мы не знаем, где ты был до нас, кому служил, зачем к нам пришёл.

– Я мальцом потерял родителей. Ходил с купцами, научился говорить с ними. Где жил раньше, не помню. Стал искать, пришёл на Москву и остался.

– Ха! Думаешь, всё объяснил? А я от Вятко вем, что ты великий чудесник. Неужели кузнечному делу тебя эллины по пути научили? Ведь этому только в семье учат! А ты, баешь, мальцом без родителей остался. Так?

– Мне Стрибог помогал.

– Молчи! – Надёжа замахал руками, пытаясь его остановить. – Не твоё дело! О Стрибоге только Вятко-князю судить! А ты за себя отвечай!

От ворот послышались крики:

– Идут, идут!

Оттуда побежали мальчишки, за ними взрослые. С вечевого двора вышел на улицу боярин с прозвищем Инозёма, главный княжеский дипломат, в высокой бобровой шапке и

с серебряными оплечьями. Откуда-то из глубин двора, из неведомой постройки, двое мужей несли, возложив на шести, большущий полированный пень: это был здешний трон из священного древа. Двор посыпали речным песочком.

Князя не было ещё видно, но придворные собирались уже, и оказаться вместе с ними явно стремилась душа боярина разбойных дел Надёжи.

В городские ворота вошла процессия хорошо одетых мужей. Это были восточные купцы, и среди них один, исполняющий попутно обязанности посла багдадского.

– Здесь будь, никуда не уходи, – приказал Надёжа Лавру, и быстро ушагал за угол – не иначе, к себе домой, переодеться в торжественное.

Лавра беседа с ним неприятно удивила. Он знал, сколь настороженно относятся здесь к иностранцам. Внешне выглядело, что их очень любят, норовят показать самое лучшее и закормить до смерти – но вооружённая ножами и топорами охрана, которую давали иноземным купцам, не столько их берегла, сколько стерегла. Власть не допускала прямой торговли чужих с местным производителем, чтобы общее богатство не разбежалось бесконтрольно по домам немногих. Торговать иностранцы могли только на глазах Вятко, в крайнем случае – в присутствии уполномоченных им князей или бояр. Так же было и на Москве, когда туда приходили болгары или туркмены: Лавр лично наблюдал это.

Не менее жёстко стерегли иностранцев, проходивших на своих плоскодонных ладьях по Москве-реке или Оке транзитом. И за охрану со всех купцов брали плату!

Видать, он, Великан, неизвестно откуда взявшийся, излишне мастеровитый, знающий иностранный язык, показался Надёже подозрительным. Лавр был собой недоволен. Ему следовало вести себя, как все, не высовываясь. С другой стороны, с его статьями попробуй бцуть незаметным... И всё равно, чёрт его дёрнул за язык: услышал греческую речь, обрадовался, и давай балаболить по-гречески.

Между тем, иностранные купцы дошли до двора князя. Инозёма встретил их, и они стояли, переминаясь с ноги на ногу и не заходя на двор. Вдали в ворота всё ещё втягивались носильщики и лошадки с вьюками. Из своей избы вышел Вятко в высоком собольем колпаке, на плечах его лежал мех, под ним на груди серебряный нагрудник с камнями, пальцы в сверкающих перстнях. Носить мех, конечно, было не по сезону – до первых заморозков оставался добрый месяц, но этикет есть этикет. На ногах Великого господина сверкали сапожки, расшитые бисером. Делегацию восточных купцов, стоящих от него в десяти метрах, он вроде бы и не замечал.

За спиной князя мужики заносили в избу дополнительные лавки; там готовился банкет для особо важных персон.

Вокруг двора собрались едва не все жители Городенца и окрестностей. Все шумно говорили, топали, скрипели сапогами и пахли всякими ароматами.

С той стороны площади к Великому пробился Бурец:

– О чём тебя Надёжа пытал?

– Спрашивал, откуда я.

– Он этого... того... с ним надо осторожнее.

– А что?

– Не любит Надёжа, если кто нравится Вятко-князю больше, чем он сам. Ошельмует такого, а потом – чик, и нету. А князь – он сам его Надёжей прозвал, верит ему!

Вятко важно уселся на свой трон, а сзади встали рынды – двое в суконных шапках, с топориками на плечах.

Вернулся Надёжа, нарядный, с бобровой шапкой в руке. Встав за спинами купцов, натянул её на голову, потом обежал их сбоку и вошёл на княжий двор оплечь с Инозёмой. Тут он Инозёму обогнал и встал справа от трона Вятко, но тот сурово посмотрел на боярина, схватил за рукав, и перетащил налево, а праворучь себя велел встать Инозёме.

– А смотри, – шепнул Бурецу Лавр. – Не жалуется князь Надёжу.

– Это потому, что чужеземцев принимает. Если бы чин суда и расправы, то праворучь князя стоял бы Надёжа.

Теперь правительственная верхушка и купцы оказалась лицами друг к другу.

Вся пятёрка иностранных купцов, персы, арабы, и кто там ещё, и оставшиеся вне двора их помощники и носильщики, встали на колени и, опираясь на руки, поклонились князю, коснувшись лбом земли. Затем поднялись; четверо купцов отступили слегка назад, а пятому служка передал тюрбан с рубиновой застёжкой и халат. Надев тюрбан, а халат набросив на плечи, он выступил вперёд, поклонился князю учтивым светским поклоном и начал говорить по-арабски, а княжий переводчик по прозвищу Толмач переводил.

– Мир тебе, Великий государь народа вятичей! Я, Маджид, посланник Халифа, наместника Аллаха на Земле, прибыл к тебе из Багдада по повелению Халифа, наместника Аллаха на Земле Абу Джафар Харун ибн Мухаммада ар-Рашида, мир ему и благословение Аллаха. Он желает тебе мира и процветания и шлёт со мной слова радости и дружбы.

Речь, воспевающую Аллаха, единственного истинного владыку мира, простая публика не поняла, да и не хотела: избалованные праздниками люди просто наслаждались красочностью нарядов и звуками непонятного говора. Смысл никого не интересовал. Зато Лавру эта речь позволила, наконец, использовать знания, полученные на историческом факультете МГУ: он сообразил, в какую эпоху попал.

Высшие же руководители, Вятко-князь и Инозёма, и так знали, что халиф Харун ар-Рашид велик и могуч, а его столичный град Багдад столь огромен, что там поместятся сотни таких посёлочков, как их Городенец. Но они также знали, что этот Багдад незнамо где, и халифу, по большому счёту, нет до них никакого дела. Посол Маджид это тоже знал, и вообще он был прежде всего купцом.

Проблема Харуна ар-Рашида была в том, что между его халифатом и ними, живущими на реке Оке, расположились куда более многочисленные народы, и они – особенно далёкие от веры в Аллаха хазары, были опасны. И Багдаду следовало удерживать дальних соседей от добровольного или вынужденного союза с возможными близкими врагами. Потому и вынужден посол плести словеса о том, что могучий безжалостный халиф, от одного взгляда которого рассыпаются в пыль горы и выкипают моря, желает оставаться в мире с Великим господином Вятко. Потому и привёз посол богатые подарки вождю затерянного в лесах народца от халифа мировой империи.

Князь в ответ на его слова произнёс пусть и не такую цветистую, но всё же достойную речь, с благодарностью принял подарки и встал. Посол отступил на три шага назад, и опять иноземцы совершили коленопреклонение. Затем князь милостиво пригласил посла и главных купцов с собой в избу. Сопровождающим лицам и всему городенецкому населению столы накрыли отдельно, на улице.

Тут произошла некоторая заминка. По ходу мероприятия посол – которого, как он сам сообщил, звали Маджидом – несколько раз поглядывал в сторону Великана. Это никого не удивляло. Здешние людишки и сами не могли от Великана глаз отвести. И вот прежде, чем идти в избу, посол указал Вятко-князю на Лавра, и о чём-то спросил его. Князь засмеялся, подозвал своего великана и опять уселся на трон, а послу вынесли колоду для сидения. Лавру колоды не предложили, возможно, из-за отсутствия подходящей по размеру, и он, не чинясь, уселся прямо на землю возле трона, под рукой князя, да ещё и ссутулился слегка, чтобы князь казался выше него.

– Совсем такой же мблodeц, как этот, а именно паша Назих, что значит «Неподкупный», служит Великому халифу в Багдаде, – сказал посол, а Толмач перевёл. – Я много раз видел его, а узрев вашего Великана, Великий государь, дивлюсь этому диву дивному, что столь схожи Великан и паша халифа Назих.

Лавр, пока переводили, и пока Вятко вникал в смысл, сообразил, что тот паша Назих – не иначе, он сам и есть, только попавший в прошлое из более отдалённого своего будущего. Он жадно пытался уловить, не назовёт ли посол возраст паши, чтобы правильно ответить на возможные вопросы, и уже выстраивал в уме своём версию, что у него когда-то был брат, или дядя, или оба вместе.

– Такой же? – переспросил князь.

– Да, Великий господин. Такой же большой, и голос, и борода, и лицо, и возраст.

«Ага», смекнул Лавр. Значит, будем врать им про брата-близнеца.

Вокруг них гудела праздная публика. Ни те, что были приглашены в избу, ни прочие, коим предстояло угощаться на улице, не смели даже подходить к столам, пока за трапезу не принялись высокие персоны. Прибывшие с купцами подручные выставляли на столы свои восточные яства, которых большинство и не видывало раньше.

– Великан, – спросил князь. – Ты знаешь, о ком говорит посол?

– Нет, Великий государь, – скромно потупился Лавр. – Но скажу тебе, что у меня был брат, мы были зело похожи. Он потерялся на реке на Волхове, когда была битва с варягами. И я думал, что он погиб. Если тот, который живёт в Багдаде, столь со мною схож, то, быть может, он и есть мой брат. Отпусти меня, съезжу к нему, и скажу тебе.

Начался общий шум. Князь не знал, кто такие варяги. Купец-посол Маджид сказал, что слышал о них, но в Багдаде варягов нет. Инозёма, главный княжий дипломат, много где бывавший, объяснил, что если долго идти вверх по великой реке Донé-пре, то можно дойти до земель, где разбойничают варяги. Есть ли там река Волхов, ему не ведомо.

Посол дополнил рассказ, сообщив, что паша Назих пришёл в Багдад с севера, где потерял всех родичей, и благодаря своей силе поднялся при дворе халифа, и теперь возглавляет охрану наместника бога на Земле, имея под рукой несколько тысяч воинов.

Надёжа в ходе диспута чуть ли не приплясывал, так ему хотелось вмешаться. И не учитывая благосклонного отношения Вятко-князя к Великану, он совершил ошибку: получив слово, высказался в том ключе, что это очень подозрительно, что Великан лжет великую лжёт, говоря, будто давно брата не видел. А на деле видел, и прибыл в землю нашу прямо оттуда, чтобы сделать недоброе Вятко-князю, и власть-то в Городенце захватить. Закончил он своё разоблачение словами:

– А посол этого не знал, и, благодарение Стрибогу, лжу великанову вскрыл.

– Разве? – удивился князь.

– Конечно, – ответил Надёжа. – Он же сам сказал, что различить пашу и Великана невозможно. Значит, он видел там Великана. Позволь, государь, задать вопрос послу.

Князь поморщился, но разрешил:

– Задавай.

Надёжа спросил, не мог ли видеть посол при дворе халифа именно Великана, да переодетым в кафтан паши. Толмач перевёл, и посол ответит, что такого не было. За это время Надёжа, стоя за спиной князя, погрозил Толмачу кулаком, и тот, якобы со слов посла, запнувшись, ответил:

– Да, могло такое быть.

Инозёма, услышав это, резко вскинул голову, но промолчал. А Лавр молчать не стал. У него был уже опыт, он знал, что пока интрига в самом начале, её можно задавить, если успеть перехватить инициативу. Он погрозил толмачу пальцем, и вскричал, перебив уже начавшего говорить Надёжу:

– Зачем лжёшь? Он сказал «нет», а ты говоришь «да». Обманываешь Вятко-князя, пёс?

– Что такое? – спросил его князь.

– Неправильно толмачит.

– А, слушайте: Великану язык Багдада вѣдом! – крикнул Надѣжа, и явно собирался развить свою идею, что Великан и есть тот багдадский паша, но тут вмешался Инозѣма:

– Толмач неправильно перевѣл!

– Правильно! – зарычал Надѣжа.

– Неправильно!

– Слушай, князь, меня, – торжественно заявил Надѣжа. – Инозѣма с ними сговорился!

Лавр помнил по прежним своим приключениям, что в арабских землях на первом этапе был в почѣте эллинизм: учёность, язык, обычаи. Греческий, как язык межнационального общения, знали все. И он предложил своему князю привлечь к разрешению спора независимого эксперта.

– Это как это? – поинтересовался князь. Он не верил, что волшебник Великан, с которым они болтал обо всѣм на свете последние дни, ему враг. Но и сомневаться в верности Надѣжи пока не смел.

– Надо бы позвать серебряных дел мастера Герасима. Пусть он скажет, кто прав.

– Где Герасим? – спросил князь. – Должен тут быть.

– Был, был, – закричали из толпы.

– Он куда-то финики потащил, – подсказал Бурец от стола с угощением народу.

– Приведите его, – приказал князь.

Пока ходили за Герасимом, Надѣжа упорно пытался доказать, что чужим веры нет. Великан чужой, опасный. Скрыл, что языки знает. Герасим подозрительный, финики утащил. Даже Бурец у него оказался в сомнительных, и купцы. Неизвестно, до чего бы он договорился, но после его слов: «А этот посол...», князь велел Надѣже замолчать.

Тут как раз пришѣл Герасим. Ему объяснили задачу, он поговорил с послом, причѣм и по-гречески, и по-арабски, и перевѣл все его речи в пользу Великана.

Надѣжа угрюмо молчал, толмач по прозвищу Толмач не знал, куда глаза девать.

– В чём дело, Толмач? – тихо, но с угрозой спросил его князь.

– Оговорился, Великий господин! – Толмач упал ниц, лицом в песок, пред глазами своего князя, и из этой позиции прокричал: – Надѣжа запугал меня!

– Та-а-к, – протянул князь. Пообещав Толмачу: «С тобой я ещё поговорю», он повернулся к Надѣже: – А что с тобой делать, Надѣжа? Невинных оговариваешь?

Боярин рухнул плашмя рядом с Толмачом.

– Придѣтся тебя казнить, – продолжал Вятко. – Ныне отнимаю от тебя прозвище твоѣ «Надѣжа». Желаю, чтобы до близкой смерти твоей звали бы тебя «Негожа», а потом забыли имя твоѣ.

Рынды с суровыми лицами и топориками в руках, вышли из-за спины князя вперед.

– Прости, Великий государь, – проревел от земли бывший Надѣжа, а теперь Негожа.

Толпа ликовала. Доносились выкрики: «Он мѣд не по правде мерил!», «У Аксюты-вдовы корову не по совести взял!», «Сыну своему потачку давал!», и прочее подобное.

Лавр подумал, что воеводу тут мало кто любит. Продолжая сидеть на земле, он искоса глянул на князя. Тот заметил, усмехнулся:

– Что, жалеешь его?

– Не то, чтобы... – промямлил Лавр. Вообще-то он был противником насилия, но в этой эпохе высказывать идею всепрощения было опасно.

– Что ж, – раздумчиво сказал князь. – Можно и по-другому. Если вспомнить старые наши обычаи. Ведь это дело не государя! Он ТЕБЯ оговорил? – затем встал с трона (Лавр и посол немедленно тоже вскочили на ноги), прошѣлся по двору в своих красивых сапожках, остановился, указал пальцем в небо и прокричал:

– Суд Господа бога нашего Ярилы!!!

Толпа взвыла. Толмач убежал прочь на четвереньках. Негожа перевернулся на спину и отползал, упираясь пятками в землю, с искажённым лицом. Посла и купцов, поскольку происходящее было внутренним делом народа, увели в избу.

Лавр махнул рукой, подзывая Буреца. Спросил:

– Что это, суд Ярилы?

– Поединок пред ликом Солнышка, – пояснил счастливый Бурец. – Кто до захода Солнца победил, тот у Ярилы и прав. – И радостно засмеялся: – А биться надо до смерти.

– А если кто откажется? – с тревогой спросил Лавр.

– Кто откажется, того и казнят.

Жители праздновали объявленный князем «суд Ярилы». Бегали туда-сюда мужики с глиняными баклажками в руках. Воняло пойлом. С двух концов города слышалось уже хоровое пение. Вокруг костра на улице плясали с криком, уханьем, топотом и пылью. Сияющие глаза, растянутые улыбками губы. Великий господин смотрел на Лавра в нетерпеливом ожидании. Нарядно одетые горожане, в том числе красавицы разных возрастов, подбегали, крича радостные приветствия князю, и поощрительные – Великану.

«Это и есть наш добрый русский народ», с ужасом подумал он.

Однако отказываться нельзя, казнят. Если просто убежать, то вот эти вот весельчаки со всем энтузиазмом кинутся меня ловить, и придётся покалечить их, незнамо сколько. А согласиться на драку – значит, принять обязательство забить бородатого дурака-боярина до смерти. Тоже не вариант.

И остаётся запугать его, чтобы от поединка отказался он сам.

Великан распрямылся, посмотрел с высоты своего роста на валяющегося Негожу. Потянулся, чтоб хруст пошёл. Скинул рубаху. Показывая бицепсы, согнул одну руку, вторую. Заложив руки за голову, присел на левой ноге, потом на правой. Подобрал громадный камень из кучи, приготовленной, наверное, чтобы использовать как гнёт при засолке грибов и капусты, и стал с уханьем перекидывать из руки в руку.

– Молодец! Богатырь! – восторженно вскрикивал Вятко. – Вот тебя-то мы на вече и выберем боярином по разбойным делам, вместо того, чьё имя я не желаю помнить!

Лавр попрыгал в боксёрской стойке, нанося мощные удары в воздух, и прошёлся колесом, что при его массе тела породило изрядный шум и смерчи вдоль улиц. Ударом ноги срубил берёзу у ворот. Глядя на его физкультурные упражнения, публика ревела, или визжала, или била в ладоши, а со стороны Негожи нёсся жалобный вой.

Час спустя, когда отказавшийся от поединка бывший боярин сидел уже под охраной в крепкой комнате, что в приказной избе, князь похвалялся за пиршественным столом:

– У халифа, владыки половины мира, за порядком следит один брат, а у меня, владыки другой половины мира, будет следить второй брат. Скажи об этом халифу, посол!

Город Вятич – Заяузье – Городенец, VIII век

Наступила зима. Все переоделись в шубы, меховые штаны и шапки. Реки сковало морозом. Вятко с боярами перебрались в город Вятич, стоявший там, где в Оку впадает река Москва. Отсюда зимой легко попасть по замёрзшим рекам в любое населённое место княжества на санях или лыжах. Сюда ехали торговцы со всей Оки, Москвы, Клязьмы, Волги и других рек, и были устроены здесь торговые ряды, а при них гостевые избы. Бабы с окских городцов и вёсок приезжали не столько ради товара, сколько в надежде увидеть знакомцев с мест, откуда их брали невестами, передавали родным весточку о себе...

Зимой здесь кипела и вся политическая жизнь.

Кроме Великана, все княжеские бояре имели в Вятиче зимние дома, а ему поставить дом не успели. В гостевой избе жить боярину не в честь, и Великан распоряжением местного князя поселился у одинокой Тихоньки. Только к весне до него дошли слухи, что этому предшествовало женское вече, где городские бабы решали, у которой из безмужних будет зимовать Великан. Состоялось вече за спиной идола пёсеголового Симаргла, а закончилось оно жестокой дракой. Победила Тихонька, а князь только озвучил решение веча. Узнав об этом, Лавр пошёл к своей «хозяйке» с вопросом: Правда ли сие? – но она в ответ только лицо прятала и смеялась.

У него, как у боярина, оказалось много дел. Расследование разбойных случаев. Контроль поставок с мест на княжеский двор: за производство-то и людишек отвечали местные князья, а вот, чтобы они и их приказные работали без обмана, это его задача. А ещё – легализация денег: крестьяне приносили шкурки, которые он скреплял свинцовой скобкой по девять или восемнадцать штук (ибо с каждого десятка брал одну шкурку как налог в казну), и оттискивал на свинце княжий знак.

Ещё приходилось ему самолично делать наждачную шкурку, чтобы доводить клинки до нужной степени красоты. Да, все кузнецы имели точильные бруски из мелкозернистых пород песчаников, но наждачку делать не умели. Он сам варил из костей клей и наносил на пергамен; а потом, пока клей не остыл, добавлял песок. Ещё стал изготавливать пемзовую шкурку. Это вообще была новинка, позволившая шлифовать лезвия. Пемзу привозили купцы из Дербента, иногда – сирийцы и армяне. В порошок её тёрла Тихонька. Ей было не привыкать: бабы издавна использовали этот экзотический продукт для обработки мозолей и пяток, и добавляли в своеобразное «мыло», смесь золы и жира.

Неделя за неделей проходили в таких делах, в плаваниях и пеших походах, в саночных разъездах по городам. И названий-то у них нет, всё городёнки, да, городни, да городцы; какая-то страна городов получается. Различать их можно было только по названиям рек: городец на Каширке, городец на Вобле, городец на Турее. Если река длинная, то Нижней городец и Верхний городец, или Белый, Красный, Новый, Старый...¹⁹

Городец на слиянии Оки и Москвы нёс имя Вятич только потому, что так звали его иностранные купцы с Волги.

...Однажды Лавр влачился в Вятич по Оке со стороны Упы, в санях, запряжённых одинокой лошадкой, едва тянувшей его громадное тело. Укрывшись медвежьей шкурой, он кутал шею от ледяного ветрюги, разгулявшегося вдоль речного простора, и с тоской вспоминал свои плавания в Индийском океане. От этих мыслей потянулась аналогия: вспомнил он, что в моло-

¹⁹ В нашей реальности даже после того, как все города и сёла получили собственные имена, и в интересах почты вычищены были сходные названия, топонимы древних вятичей различимы. В Тульской и Московской, Калужской и Орловской, Белгородской и Брянской областях имеются десятки названий типа Городец, Городня и Городище, причём эти населённые пункты всегда расположены у рек.

дой советской стране всякий пионер мог построить санный буер под парусом и носиться по сугробам со скоростью ветра.

И подумалось ему, что он, бывший пионер, кузнец и мореход, давно мог бы сладить себе такое транспортное чудо. Тем более, у Тихоньки сохранились от отца старье, хорошо просушенные лесины.

Князю Лавр объяснил, что потерю времени на это своё занятие он наверстает за счёт скорости передвижения по рекам. Тот, не иначе, проговорился в семье, и в помощники к Великану напросился младший княжий сын прозвищем Сутолока.

У князя было несколько детей. Дочери, кроме младшей, уже были устроены. Старший сын жил в Городенце своим домом, а женат был на дочери эллинского царя. Лавр, было, думал, что она из семьи правящего базилевса, и удивлялся такому странному мезальянсу, но как-то разговорился с ней, и оказалось, нет: её папаша был деспотом малозначащей провинции, и выкуп, который он получил за дочь, спас его от неприятностей. А теперь его уже свергли. Но в их лесах фраза «дочь эллинского царя» звучала солидно.

Другие сыновья князя взяли в жёны местных дев с разных городцов. Холостым оставался один только Сутолока. И вот, в ходе совместной работы над буером выявилось, что в доме правителя разыгрывается самая настоящая драма.

Сутолока влюбился в дочь собственного дяди, и непременно желал её в жёны. Брак был невозможен, ибо между детьми двух братьев или двух сестёр связь была абсолютно запрещена. Можно было бы обсуждать проблему, если бы речь шла о детях брата с одной стороны, и сестры с другой. При отсутствии предыдущих смешений брак могли бы разрешить. Но в этом случае у «жениха и невесты» не только отцы были братьями, но и матери – сёстрами! А Сутолока в силу молодости не воспринимал никаких резонов. Всех других невест отвергал просто потому, что их предлагали его родители. К тому же он был ушиблен своим статусом княжеского сына, и абы какую за себя и так бы не взял.

Его избранница Несмеяна – девушка серьёзная, умеющая считать, вязать узелки, шить и петь, двоюродного братца своего Сутолоку любила, но совсем не так, как тому хотелось. Его страсть была для неё доукрой. Когда княжий двор переехал в Вятич, она с родителями осталась в Городенце и легко согласилась выйти замуж за сына гончара, жившего в Городце на реке Угре. Её увезли, а Сутолока и не знал.

Спустя месяц он, соскучившись, встал на лыжи и махнул в Городенец – а любимой там и нет! Он вернулся взбешённый, и вскоре переселился к Великану, не иначе, чтобы «наказать» отца. Он мучил Лавра рассказами о своих страданиях, и ночевал тут же, мешая их ночным делам с Тихонькой. Надо было с этим что-то делать. А то уже и папаша его, Вятко, стал смотреть на Великана косо.

– Много девушек на свете, – сказал Сутолоке Лавр, когда они тащили новые лёгкие сани с парусом к реке.

– Такой, как Несмеяна, больше нет, – горячо ответил ему несчастный влюблённый.

– Ясно, что нет! Потому что она уже мужатая.

– Не говори мне об этом! – вскричал Сутолока.

– Почто кричишь! Людие вокруг...

С берега на лёд скатывались на санках детишки, а кто постарше – скользили по льду реки на коньках. Узрев их, они сбежались посмотреть, как Великан поедет на своих больших санках с мачтой. Пока он устанавливал прямой парус (маленькие косые впереди и сзади были уже поставлены) они толпились вокруг, издавая всякие звуки.

Закончив работу, Лавр усадил Сутолоку впереди, лицом к себе, а сам сел сзади, чтобы управлять парусом. Ветер был несильный, но порывистый. Они пошли от берега правым галсом, дальше встали по ветру к норду. Дети гнались за ними на своих костяных коньках. Постепенно они отстали, и Лавр опять завёл свой разговор:

– Скажу тебе паки и паки, вотще²⁰ мечты твои о ней. А жизнь идёт! Хоть ты и здоровенный парень, над тобой скоро смеяться начнут.

– И так уже... она сбежала... всем смешно...

Им приходилось перекрикиваться, и постепенно Сутолока мрачно замолк. Лавр думал про себя, что надо сделать какой-то тормоз. Даже при небольшом ветре останавливать парусную самоделку было трудно, того гляди ногу сломаешь. И кстати, если при боковом ветре можно было идти вперёд, меняя галсы, то против ветра сани вовсе не шли, а это могло породить проблемы в дальних походах. Это ж получается, самому придётся их тащить! А оказаться без транспорта на диких и пустынных берегах рек этого времени – совсем не то же самое, что на прудах в Москве 1930-х!

Притащив сани обратно к месту старта, они оставили их на берегу: здесь никто не брал чужого без спроса. Лавр нёс на плече снятые с саней скатанные паруса с реями, Сутолока понуро шагал рядом, а потом пробормотал, будто про себя:

– А ежели другую искать, то где? Ведь нету никого...

– Нету, потому что ты видеть не хочешь, – возразил ему Лавр. – Попроси отца с матушкой, они найдут.

– Нет! Чтобы отец выбирал, я не могу.

– А как же без отца? Такого никогда не было.

– Великан! А ты сможешь?

Лавр обрадовался. Кажется, забрезжила возможность избавиться от зануды.

Когда пришли домой, уже сильно вечерело; мороз крепчал. Но в доме топились печка, были свечи и лучины. Тихонька гремела ухватами, разогревая в печи горшки с кашей и мясом. До ужина ещё было время, и Лавр полез в свой сундук за берёстой и чернилами.

Он так и не сумел освоить обычное здесь узелковое письмо, а учёт – чтобы докладывать князю – вести было надо, и Лавр стал для памяти записывать свои дела на берёсте, гусиным пером и чернилами, которые делал сам из сока растений с капелькой мёда. Теперь он, изумляя Сутолоку, распрямил на толстой столешнице большой кусок берёсты, прижал по углам гирями и ножами, и аккуратно нарисовал чернилами графический портрет своей москворецкой знакомицы Печоры.

Тут было всё, что надо: глаза и носик, бровки и пухлые губки; скромный платок на голове и кольца в семь лучей на висках. На всей планете не было в тот год никого, кто бы смог написать такой портрет. Не возникло ещё живописи. В Европе разве что первобытный охотник, растерев охру, малевал пальцем на стене пещеры контуры убитого оленя, да в Китае одинокий мастер пропитывал красками кусок шёлковой ткани...

Сутолока оказался весьма податливым волшебной силе искусства! Увидев портрет, он просто ахнул. А когда Лавр, дорисовав шею и плечи, обозначил верхнюю тесёмку рубахи и, подумав, нанёс ещё маленькую вертикальную чёрточку, долженствующую обозначить имеющуюся у девы грудь, – княжич окончательно сомлел. Спросил слабым голосом, кто она. Ему хотелось необычную девушку, чтобы быть не хуже старшего братца, жена которого – заморская царевна.

– Она дочь гончара, и это нам лепо, – ответил Лавр. – Ведь вся твоя семья – гончары.

– Мой отец...

– Знаю я, кто твой отец, – оборвал его Лавр. – Он князь, а выберут ли когда-нибудь князем тебя?.. А её отец, во-вторых, казначей при князе Омаме, сиречь он господин²¹. Из-за этого-то её и не отдали до сих пор никому! Ей равных нет.

– А-а-а! – дошло до Сутолоки.

²⁰ Паки – опять; ещё; снова. Вотще – тщетно, напрасно, попусту.

²¹ На самом деле – госпбдень, то есть не сам по себе, а принадлежащий всевышнему Господу богу Яриле.

– Да-а-а! А сам князь Омам её дядюшка. И чтоб ты знал, она не только считать умеет и узелки вяжет и читает, как та, что предпочла тебе другого, но ещё и на гудке играет так, что заслушаешься.

Это ли решило дело, или лишний штришок на портере девы, но Сутолока согласился. А Лавр в ту же ночь спалил портрет в печи, чтоб не сводить с ума археологов будущего.

На другой день Лавр делал тормоз. Выстругал педаль из деревянной балочки, на конце её закрепил железный коготь, посередине скобу железную на оси прибил, чтобы, когда ногой нажимаешь, коготь в лёд бы впивался и тормозил повозку. Сутолока же весь день вздыхал и о чём-то думал. А Лавр пошёл к Вятко-князю с разговором. Сказал ему:

– Дондеже²² не женим твоего Сутолоку, он не успокоится.

– Да ведь не хочет он никого, кроме Несмеяны. Совсем сбрендил. Столько невест на свете, а ему подавай ту, с которой в одной избе вырос, на один горшок по ночам ходил.

– Я устрою, что другую схочет. Знаешь ли ты москворецкого князя Омама?

– Конечно.

– А казначея его, гончара Толоку?

– И его знаю. И что дочь его Печора, племянница Омамы, на выданье, мне ведомо. Мы с женою про всех годных невест знаем. А что?

– А то, что Сутолока согласен Печору взять.

– Если правда сие, проси, что хочешь! – обрадовался Вятко.

– Я и так тобою обласкан, Великий государь.

– А, вот что: привезём её сюда, устроим свадьбу. А ты посажённым отцом будешь!

– Этого я не хочу, да и не могу. Я ведь не женат – как же мне быть посажённым отцом.

Лучше пригласи князя Омама...

Сговорились так. Вятко едет в городец на Яузе будто бы по своим княжеским делам, а вперёд отправят переменных коней, чтобы ждали в вёске на полдороге, в устье Гжелки, где княжеские рыбные ловли. На второй день вслед ему поедут Великан с Сутолокой, а на смену возьмут на Гжелке тех коней, что оставят люди князя. А уж там, как пойдёт.

Назавтра Лавр испытал свой санный тормоз, а Вятко начал собирать гостинцы князю Омаме и подарки родителям невесты. Отправили вперёд переменных коней. Ещё через день Вятко с обозом ушёл в путь, а ехать ему было – день, если скакать также и вечером с факелами. Но он собирался провести ночь на Гжелке, чтобы попасть к князю Омamu к обеду на следующий день.

Днём позже отправились жених с друзьями. Поднялся сильный ветер, и Лавр велел, что пусть они едут на лошадках, а он на буере, и если что случится – переседет к ним. Правда, и они, и он везли много подарков – будет ли, куда пересаживаться такому большому Великану...

Тихонька зажарила ему курочку в дорогу, да завернула в тряпицу краюху хлеба, да уложила в берестяной туесок медовых огурцов.

Как только вышел на лёд, ветер быстро разогнал его буер, и сани обоза Сутолоки остались позади. Езда с парусами давала большое напряжение на руки, но Лавр, в общем, справлялся. Шёл не по голому льду, а по накатанной снежной дороге вдоль берега. Прикинул, что скорость-то – ого-го! Больше сорока км/час, пожалуй, будет. Эдак он доедет до своего таганского городца засветло.

Часа через три-четыре, на крутом изгибе Москвы-реки его сани слетели с санной дороги, пошли юзом по льду, а в стороне от высокого берега и ветер сильнее; пришлось тормозить, был риск вылететь на берег. Парус не слушался верёвок, его мотыляло в разные стороны, и Лавр бросил верёвки, схватился за реи руками, лишь бы поймать ветер и удержаться в повороте. Накренившись, шёл боком почти уже по краю, сшибая торчащие изо льда сухие ветки и

²² Дондеже – до тех пор, пока.

травинки, и тут нанесло откуда-то дыма и гари. А он и отвлечься не мог, прилагая все силы, чтобы не протаранить брошенные на льду у берега сани. Заметил только, что ездоки с них, проваливаясь в снег, лезут наверх, к горящей вёске, и среди них Вятко. С другого берега тоже бежали люди, но они были далеко.

Пожары входили в ведение его Разбойного приказа, но остановиться Лавр не мог. Он пролетал мимо, приговаривая: «Чёрт, чёрт»; обернулся и увидел, что Великий господин кричит ему что-то зычным голосом, показывая рукой в сторону городца князя Омамы.

Лавр догадался: Вятко просит прислать оттуда помощи, что было странно, поскольку деревянный дом сгорает за двадцать минут, и никакая помощь не успеет. Разве что он задумал эвакуировать погорельцев, а места в его обозе нет.

Река сделала ещё несколько крутых поворотов, которые он прошёл уже с бóльшим умением, и вдруг увидел, что таганский холм – совсем близко! Нажал на тормоз, раздался треск, у самого его уха пролетел отломившийся железный коготь – а сани занесло и дважды крутануло по льду. Он в панике опять схватился за рей, чтобы повернуть в сторону своего заснеженного «пляжа», и преуспел – но скорость была великовата: сани, пройдя юзом лёд на «пляже», налетели на скрытый под снегом берег и рассыпались на куски, а его самого и груз бросило вперёд и вверх. Он вдруг обнаружил, что летит в положении сидя, а прямо перед ним летит красивая амфора с заграничным вином, которую он взял в подарок деду Угрюму. Лавр протянул к ней руки, а впереди был уже забор их вёски, и он поджал ноги, чтобы не снести этот забор.

Волею судеб все взрослые были во дворе.

Таруса и Навка несли отбитое на снегу бельё. Созыка с Бозыкой, счистив с дорожек снег, убирали в сарай деревянные лопаты. Дед Угрюм смотрел на заросший льдом «нужный угол» и размышлял, что пора там лёд поотбивать. Самига шла в сусек за припасами, а когда сверкнуло ей от горизонта низкое солнышко, она зажмурилась, да и молвила в уме своём: «Ярила, всесильный бозе, верни мне моего Великана». Потом она открыла глаза, а Великан летит по небу, в огромной шубе и лохматой шапке. Ноги поджал, будто сидит он; взором гневным на узкогорлый кувшин с круглыми ручками, летящий впереди, смотрит, и руки протянул к нему же, а чуть выше позади Великана летит жареная курочка.

В последнюю секунду Лавр схватив кувшин за ручки, и ухнул с ним в большой сугроб, куда парни ещё накидали снега своими лопатами. При этом с него свалилась и упала вверх дном лохматая шапка, а уже в шапку влетела жареная курица. И тут же дед Угрюм внятно произнёс жалеющим голосом:

– Эх, чуть-чуть до нужного угла не долетел!

Набрав полные сапоги снега, Лавр задом выбрался из снежной кучи, повернулся к нему и, показывая спасённый кувшин, сказал с горечью:

– Как же так! Я тебе таджикского вина, какого ты в жизни своей не пивал, в дар привёз, а ты меня в нужный угол целишь.

– Прости, господин! – повинулся Угрюм, принимая кувшин из рук боярина. – Не со зла сказал, а по мыслям своим, что пора там лёд колоть.

Из домов, услышав шум, повывагали дети.

– Кто из детей старший? – поинтересовался Лавр.

Детишки вытолкнули одного мальчика лет двенадцати, и двух уже больших девочек.

– Ты князя Омама знаешь? – стараясь выглядеть добрым и ласковым, спросил мальчика Лавр. – И где живёт он?

– Да, – серьёзно кивнул тот. – Знаю.

– То ладно. С этими девочками бегите к нему. Скажете, что вас прислал боярин Великан. Пусть быстро посылает пять или семь саней встречать Вятко-князя. По пути пусть сюда завернут, я с ними поеду.

Дети убежали, а Лавр, оглядев оставшуюся ораву, спросил:

– Откуда столько детей? Что-то многовато.

– У сестры моей на реке Истре дом сгорел, – сказала Навка. – Она своих чад нам и привезла, пока новый дом ставят.

– Что за дела! – удивился Лавр. – Как зима, у всех горит... Мальчишки, соберите на берегу подарки, что я привёз. Мешки там с тканями и прочим, – а когда мальчишки побежали к воротам, крикнул вслед: – И куски моих саней сюда несите!

Таруса и Навка, забрав девочек, пошли в избу готовить брашно²³, чтобы угостить гостя; Созыка с Бозыкой мялись, толкались плечами и радостно помывкивали, не зная, как себя вести: гость был вроде бы и свой, и в то же время – важный господин, боярин. Самига́, уцепившись руками за шубу боярина, лепетала: «Великан! Мой Великан!», и сладкие слёзы градом сыпались из её прекрасных марийских глаз. Дед Угрюм, кряхтя, лез на кучу снега, чтобы достать великанову шапку с холодной курицей от Тихо́ньки.

Той же зимой наделал шума случай, когда рыбаки, взявши пешни и мормышки²⁴, пошли на реку и обнаружили вмёрзший в лёд труп хорошо одетого мужчины. Нашли его у большой промоины, которую Москва-река всегда образовывала во льду в месте своего впадения в Оку. Сообщили Великану, ведь он отвечал за все разбойные дела. Он велел оббить тело пешнями, положить на связанный верёвками лапник и доставить на берег.

Сначала хотел для осмотра затащить тело в дом, но Тихо́нька устроили ему скандал. Понятно: детина был здоровенный, почти с Великана, и занял бы много места. Тогда Лавр выложил его во дворе, чтоб оно там лежало на морозе. Для выяснения, что к чему, он содрал с тела задубевшую шубу, рубаху, меховые штаны и порты. Интересно было бы осмотреть зубы, но оттаивать покойника, а потом его, по сути, свежевать Лавр не рискнул: горожане бы такого издевательства над трупом не одобрили.

Удивление вызвала повозка, на которой, судя по всему, прибыл неизвестный. Её нашли в той же промоине, и она тоже вмёрзла в лёд. Это были сани с парусом, сделанные куда хуже, чем Великанов буер. Но всё же буер – вещь, для этой эпохи необычная. На спинке сидения имелись две чем-то выжженные латинские буквы RB.

Он зазвал соседей посмотреть, вдруг кто-то узнает погибшего. Никто не узнал. Учинил в ближних городцах и вёсках опрос, не пропал ли кто: нет, никто не пропал. Поскольку незнакомец явно прибыл к месту своей гибели по Москве-реке, Лавр отправил вверх по реке своих добровольных помощников, чтобы те опросили жителей. Оказалось, там видели, как парусные сани мчались мимо, но все решили, что это сам Великан и есть.

На Химке незнакомец провёл ночь. Рассказывал, что зовут его Иваном, и он едет аж с дальнего полуночного моря, где ловят огромных рыб, а ночь длится несколько месяцев, и ещё там бывают дивные сполохи на всё небо. Говорил понятно, но так, будто у него тюрьма²⁵ во рту. В вёске в устье Рузы интересовался, далеко ли до города Коломны.

Упоминание Коломны всё поставило на свои места. Собственные имена городцы вятичей начнут приобретать только через два-три столетия, тогда-то и станет Коломной город, в котором он сейчас находился. Латинянин Иван, знающий, что где-то на Москве-реке есть город Коломна – явный пришелец из будущего.

И это Лавру не понравилось.

²³ *Брашно* – еда, яство, кушанье, съестное.

²⁴ *Пешня́* – маленький лом для пробивания во льду прорубей, обычно с деревянной ручкой. *Мормышка* – рыболовная снасть для зимней ловли.

²⁵ *Тюря* – традиционное русское холодное блюдо, хлебная окрошка на квасе, иногда с луком.

Кончилась зима, прогремела грозами весна, пришло, радуя трудящихся и управленческий персонал, жаркое лето – а затем добрались и до осени.

Великан был уже наибольшим боярином.

Сегодня Вятко-князь устроил приближённым праздный день. Отмечали рождение сына в семье княжича Сутолоки. Правда, звали теперь княжича иначе, потому что, став десяцким соловьёв, охранявших лесные границы, получил он прозвище Гридня. Пока что Гридень со своей десяткой новобранцев был в Городенце; юноши проходили обучение у старых соловьёв, осваивая смысл разных сигналов, улучшая силу и чистоту свиста. Заодно с ними свистеть училась молодая мать – Печора.

Явившись ко двору, Лавр засвидетельствовал своё почтение князю, а потом, выйдя на улицу, включился в весёлый пересвист, гуляющий по улицам. Свистели ученики-соловьи, ветераны и просто дети. Вот и он, понатужившись, выдал такой мощи сигнал «Я здесь, в этом месте», что из домов и со дворов повыбегали все, а первым бежал со своего двора молодой Гридень, благодарный Великану за участие в его женитьбе.

Вслед за ним на двор вышла Печора с младенцем на руках, улыбнулась Лавру, но свистеть не стала, чтобы не напугать чадо.

Лавр припомнил, как зпосле первой суматохи со сватовством, переездом в Вятич и подготовкой свадьбы, в неожиданную минутку они вдруг оказались наедине – просто пробежали друг мимо друга по двору, и она шепнула ему: «Что же ты наделал, Великан». Вот тебе и на. Он ей, можно сказать, жизнь устроил, а она всё равно недовольна...

Весной, ближе к лету, Великий господин ещё больше поднял его в иерархической системе власти – за то, что Лавр предложил устроить на южных рубежах лесные засеки. Проблема была такая: степняки гоняли по степи свои стада, и постоянно заводили их в лес. Там прохладно, сочная зелень, грибы. Скотина с удовольствием всё это съедала, вместе с лесным подростом. Только что проклюнувшиеся деревца не то, что не вырастали, они вообще исчезали в первый же год. Остальные деревья старели, в конце концов падали и гнивали – а новых-то и нет!

– Старики баяли, что раньше лес был до самого моря-океана, – сумрачно сказал тогда старший лесной боярин.

– То уж совсем старые времена, – усмехнулся Вятко. – давно ушёл уже лес от моря-то.

– И все наши вёски там пропали.

– Чтобы выгонять этих из наших лесов, приходится набирать в соловьи всё больше юношей. А кому работать в поле и дома?

– Скоро они совсем съедят наш лес.

Лавр знал, что не поможет ничто, и степь дойдёт едва не до самой Оки. Но надо же было ему что-то сказать, ведь они на боярском вече прели.

– А засеки вы делаете? – спросил он, ожидая услышать сокрушённое: «Ну, конечно». И тут оказалось, что нет, не делают! Впервые слышат! И стал он объяснять, как правильно устраивать засеки. Дерево направо, да него дерево налево, и не подрубая до корня, стоб не сохло, да ветви-то заострить...

– Мы ещё у бортовых деревьев ставим луки-самострелы, петли, – добавил бортник.

– И это тоже можно, – согласился Лавр. – И вдобавок стражу соловьёв.

– Вот придут они на опушку, – злорадно засмеялся кто-то из бояр, – а весь лес против них ошетинится! И пойдут они прочь!

– Великан! – объявил Вятко. – Будешь теперь наибольший боярин! И тебе приказ даю эти засеки делати. А всем – ему помогать!

С тех пор всё лето, и начало осени Лавр ездил по огромной территории, организуя общее дело. Но сегодня – прочь рабочие вопросы! Сегодня князь собрал всех, чтобы праздновать рождение у Гридня и Печоры первенца, которого пока так и прозвали Перваком. Когда определятся его характер и призвание, родители сменят ему прозвище.

Стол был полон яств. В подготовке принимали участие все семьи Городенца. Приехали многие князья, а кто не смог – те прислали свои мёды, пиво и квас, чтобы и они бы шли в жертву, когда гости будут петь славу Яриле, молвя богу просьбы свои о ниспослании новорожденному всех благ.

Когда устраивали отдых на перемену блюд, местный гусельник спел хвалебную песню князю. А Печора сообщила, что «наш Великан» тоже большой мастер петь под гусли! Деваться было некуда, а что петь – он знать не знал. И чёрт его дёрнул – не иначе, под влиянием разговора про соловьёв лесной стражи, он завёл речитативом балладу про Илью Муромца, только потому, что там упоминался соловей. Не по тексту, а как помнил, и без христианских терминов. Но соловей-то там был показан, как разбойник!

Лавр сообразил, что ошибся с репертуаром, не сразу. Пока пел, что Илья муромский, с городца на Оке, тридцать лет и три года сидел сиднем и не мог подняться, слушатели сочувствовали. Когда запел, что пришли чародеи, а Илья встать не мог, чтобы принять их, а те налили ему чарку медовую, и он, выпив, почувствовал в себе силу – радовались. Ясно: муромские мёды все хвалят, да и в чародеях никто не сомневался.

Сообщение, что Илья отправился на реку, на Днепр, который знали тут как Доне-пре, приняли спокойно. Если обычные жители ни про какой Днепр и не слыхивали, то многие из собравшихся у князя руководителей бывали там, некоторые и не раз, совершая торговые или дипломатические миссии. Путь простой: по Оке вверх, там волоком, а дальше по нескольким речкам вниз, да по Десне, а она уже сама в Днепр впадёт.

Однако дойдя до нехорошего пассажа: «Да у той ли речки у Смородины, сидит Соловей-разбойник во сыром дубу, сидит Соловей...», Лавр отложил гусли. Взмолился:

– Не могу, Великий государь, дальше петь. Хулительные слова там о наших соловьях. Ведь сложили эту сказку на реке на Днепре, во городе Киеве.

– Нет, – нахмурился Великий государь, – пой. Узнаем, что бают о нас инде. Пой.

*Ай да старый богатырь да Илья Муромец, – запел Великан.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю.
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнёздушка повёз да соловьиного.*

По мере пения Вятко наливался гневом, а при последних словах стукнул кулаком по толстой столешнице, да так, что она загудела вся.

– По славному полю, значит, так?! Свисти, Гридень, сюда робят! – крикнул он. Сын его, десяцкий Гридень выскочил во двор, отсвистел сигнал «Все сюда», и минуты не прошло, прибежала вся его команда.

– Смотри, Великан, какие они! – ревел князь. – Даже ты с ними не справишься.

– Отче-ата, – в ужасе воззвал к нему Гридень – Великан-то нас всех разом побьёт.

Все засмеялись, и князь отмяк.

– Да, Великан может, – уже тише проворчал он. – Но, чтобы какой-то мурома, опившись мёду, да свалил бы нашего соловья во честном бою!

– Великий государь! – воззвал лесной боярин. – Сам же ты заметил, по чисту полю муромский разбойник соловья потащил! На степь ушёл! Это предатель какой-то, соловья-то не в честном бою, а обманом взял. И повёз... Куда повёз?

– В городец Киев, – мрачно сказал Лавр, и опять ударил по струнам:

*Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.*

– Что за Киев такой? – задумался князь, и все наперебой взялись ему объяснять, каждый – как сам понимал.

– Мню я, то городец на Киянке, с того берега Донé-пре, – сказал боярин Инозёма.

– Нет там городца, – возразил воевода Хрипун. – Так, вёска.

– Ты давно там не был. Есть городец: и вал, и загородка. Но маленький.

– Меньше Городенца?

– Меньше, Великий государь! Намного меньше.

– Так почему же Илья из муромов пошёл к их князю? Пошто не ко мне?

– Хазары дань от них берут. Бают, уже вёсен с две дести.²⁶ А платить им нечем! Потому что продавать нечего. Отнимают золото у соседей, и так всех озлобили, что их бить стали. Теперь в том городце у их князя дружина с каждого грабежа свою долю берёт, за тем к ним и сходятся отовсюду богатыри, вроде речённого Ильи.

– А сами они даже своих богов не имеют, – сообщил вешун Толстик. – Всяких-то идолов наставили, каким иноземные богатыри поклоняются. Больше всего там у них собралось горяков, сиречь эллинов, которые повсюду лезут, по всем берегам. И главным стал Перун-Теус²⁷, что перья огненные из глаз мечет и громом громыкает. Теперь придумали, будто от этого идола Теуса земная жена ребёнка родила!

– Тьфу... Правильно мы иноземцам-то здесь воли не даём, – сказал Вятко. – А дальше что было, Великан?

И Великан, ударив по струнам, начал напропалую импровизировать, выдумывая новую версию баллады:

Говорил ему князь киевский таковы слова:

– Ай же ты мужичище-деревеница,

Во глазах, мужик, да подлыгаешься,

Во глаза, мужик, да насмехаешься.

Невозможно пройти землю вятичей,

Бо соловьи там зело могучие.

Гости приосанились: лепо им было такое слышать.

... Несколько лет спустя возвращался однажды Лавр в столицу – Городенец. Плыл по Оке. Был конец лета, и он оказался там, где в Оку впадает рыскливая Беспута. Это были места, где жил со своим семейством бывший доверенный боярин Вятко-князя, Надёжа/Негожа, чьё имя было велено забыть навсегда. Вятко повелел сослать опального боярина, туда, где в Беспуту впадает тощая Жежелка. Сам-то бывший боярин просил поселить его на Оке, или хотя бы там, где в Беспуту впадает Восьма, но тут даже Лавр возмутился. «Ссылка – это тебе не курорт!» – сказал он изгою, но тот не понял.

То, что изгой, отказавшийся от битвы по «суду Ярилы», не был казнён, Лавр относил к удачам своей политики. Но сам изгой так не считал. Однажды, по пути в столицу, пройдя часть пути по Беспуте, Лавр его встретил. Так, бывший боярин ему даже квасу не вынес! Уж и не говоря о пиве или настойке ягодной на меду. Отказался от разговора, и только злобно лаял Великана, обвиняя в своих бедах.

– Я же тебе жизнь спас! – удивился Лавр.

– Как же! Спас! Если бы я не отказался биться с тобой, ты бы меня убил.

²⁶ Двадцать лет.

²⁷ Theus, Зеус, Зевс.

- Но, если б не я, тебя бы казнили! Это я уговорил князя пожалеть тебя.
- Знаем, как же. Уговорил сослать сюда на съедение комарам. Вот и вся твоя жалость.
- А чего ты ко мне привязался-то в тот день? Князю баял, что я опасный и вредный.
- И был прав! Опасный и вредный. Вбт, что ты со мной сделал. Всего лишил.

Лавр погулял по окрестностям, и был просто очарован. По правому берегу Жежелки забрался на холм с большими лесистыми участками. Сказал своему служке:

- Прекрасно! И нет здесь никаких комаров.
- Ветерок здесь, потому что, – предположил тот. – Не то, что внизу, у реки.
- Ну, и строился бы он здесь! Прекрасное место, – повторил Лавр. – Тоже мне, ссылка.

Да я сам бы поставил здесь дом и жил...

После той встречи он несколько лет избегал подниматься по Беспуте, даже если так было лучше, хоть и вспоминал иногда чудные пейзажи, которыми любовался с той горушки. Просто обидно было, что тут поселили тупого изгоя. А в этот раз он подумал: – Какого чёрта! Я набольший боярин! Выше меня только Вятко, да Боярский Совет. И не абы где, а в стране, которая по площади превосходит Францию, когда самой-то Франции ещё нет! Где хочу, там и гуляю.

Оставив своих людей и нанятых на Оке бурлаков отдыхать, он отправился на прогулку. Деревенька изгоя пряталась в полверсте среди деревьев на левом берегу Жежелки, но было мало надежды, что угостят пряниками, и Лавр туда не пошёл. А полез он в ту же гору напротив деревеньки, что и в прошлый раз, по довольно приметной тропинке, продолжая размышлять о красотах родной природы и коварстве изгоя.

Так он лез, и лез, и уже совсем было добрался, куда хотел, поднял голову – и ему перехватило дыхание: среди деревьев явственно был виден прямой и однозначный православный греческий крест, которого быть здесь совсем не могло! Лавр прокрался среди стволов – а там даже не часовенка, а натуральная рубленая церквушка, и на крытой дранкой маковке крест, и не простой, а с врезанным в центр константиновым солнышком!

– Та-а-ак! – с угрозой произнёс Лавр, и услышал, как внутри церковки что-то зашуршало, мелькнуло в двери, да и побежало меленькими шажками вглубь. Заглянув за углы строения, Лавр убедился, что другого выхода нет, и смело шагнул в дверь. В наосе²⁸, раскинув руки и доставая ими от стены до стены, прошёл до иконостаса, там остановился, разглядывая в полутьме немногочисленные иконы и прислушиваясь, а услышав шуршание, быстро сунул руку за тряпку, закрывавшую Царские врата, ухватил чью-то бороду, и быстро выволок хилое повизгивающее тельце за двери, на свет Ярилы. И увидел, что перед ним дед Герасим, грек-ювелир, одетый в рясу и со скуфейкой на голове!

– Не бей меня, Великан! – хныкал тот.

– Это что?! – заревел Великан, тыча пальцем в церквушку. – Против Вятко-князя пошёл, пёс? А ты знаешь, чего тебе за это будет?

– Нет, нет, я не против Вятко! Он был добр ко мне!

– И вот ты чем ему ответил. У нас есть бог Ярило! И мы, вятичи, дети Ярилы. Поэтому у нас своя сторона. А если ты, пёс, насадишь тут чужих богов, то мы потеряем свою сторону! Чужие будут порядки! – Лавр говорил это, соображая, что если христианство захватит Русь иначе, и раньше, чем в известной ему истории, то в новом будущем может не оказаться места для него самого.

– Чужого здесь нету! Всё своё.

– Чего своё? Иконы тебе греки привезли, скрыв от Вятко, да и строил не ты сам.

– Сам строил, сам. И иконы сам писали.

– Болтун. Дурак. Я что, по-твоему, икону греческого письма узнать не в силах?!

²⁸ Наос – средняя часть церкви, предназначенная для верующих.

Лавр потряс бывшего своего друга за грудки, спросил с тоской:

– И чего ради ты это устроил? Плохо тебе, что ли, жилось?

– Христианского человеколюбия для, – с готовностью объяснил Герасим. – Во славу Иисуса Христа. Боярина, коему Вятко незаконно прозвище Негожи дал, изгнали, унизили! Я говорил с ним, и он припал ко святой к вере христовой, а она выше княжьей! Окропил аз грешный бывшего Негожу святой водой, крестил его именем Николы, что значит «Победный», ибо воистину победил Никола свою печаль, и воспрял к новой жизни!

– О, Боже, – вздохнул Лавр. – Знаешь ли, что писал о таких, как ты, Пушкин? «Пошли нам, господи, греховным, поменьше пастырей таких – полублагих, полусвятых».

– Моя вера правильная, не то, что царьградская ортодоксия!

– Вот, вот. Я так и знал, что против всех пойдёшь: и царьградских, и римских, и Ярилу нашего пнуть не забудешь. А ведь я на́больший боярин. Обязан сдать тебя и самопального Николу Вятко-князю. И он вас казнит, обоих, на костре сожжёт. А между тем, ты мне однажды помог выкрутиться на княжеском суде, и помог – как раз против этого Николы. И что мне теперь делать?

– Давай с Николой поговорим.

Лавр засмеялся, отрицательно трясая головой.

– Ты увидишь, Великан, он теперь совсем другой человек! Просветлённый...

– Ему даже знать нельзя, что я здесь был. И ты ему о том не скажешь, потому что прямо сейчас я тебя увезу. Ну? Чего стоишь? Пшёл!

Они двинули по тропочке вниз. По пути Лавр давал указания Герасиму:

– С моим доверенным человеком отправишься к Дону. Я велю, и соловьи тебя пропустят. А я за то время извещу Вятко. Скажу, что ты сбежал, пёс неблагодарный.

– А куда мне идти-то?

– Куда хочешь. В Рим новый, или в Рим старый, или в Антиохию, или к чёрту на рога. Мне всё равно. Я тебе не сторож...

Москва, октябрь – ноябрь 1936 года

После посиделок в пивной с Ветровым Лавр побрёл домой пешком, да и что тут идти-то: от Иверской до Чистых прудов. По пути раздумывал, что делать. Он, конечно, попробует опротестовать своё исключение из университета, но шансов, что его оставят – если честно, мало. Или пёс с ним?.. Но потеряв стипендию, надо думать о зарработке. Найти работу, чтобы оставалось время для самообразования. Даже учась на историческом, он читал книги по психологии (благо, родная матушка работала в библиотеке), посещал лекции по физике и механике. Надо же найти объяснение своим странным путешествиям.

Как всегда, заглянул в библиотеку. Внутрь заходить не стал, чтобы мама не унюхала запаха пива. Приоткрыл дверь, помахал ей рукой, мол, я вернулся. Заметил, что в читальном зале сидит человек семь или восемь. Приятно пахло книгами. И, наконец, пошёл домой. А там был один только дядя Ваня.

Одетый в застиранные галифе и майку, с галошами на босу ногу, старик-сосед сидел на табурете и читал газету «Правда». На столе рядом с ним стояла початая чекушка водки, тонкий стакан с графским вензелем, банка грибов, которые дед летом собирал на Лосином острове и солил, и ломоть чёрного хлеба. Лавр удивился: хлеб-то и водка откуда взялись? Утром он, собираясь в университет, слышал, как дядя Ваня со своею бабой Нюрой переживали, что денег даже на хлеб нет. А старуха ещё не вернулась.

– А, Лаврик! – обрадовался дядя Ваня. – Ты-то мне и нужен.

– Зачем?

– Выпить.

– Нет, это без меня, – ответил Лавр, озирая кухню в поисках кружки. Пить спиртное он после пива не хотел, а вот воды бы холодненькой... Усмотрел кружку на подоконнике, налил себе из-под крана.

Тикали ходики на стене, за окном чуть слышно позвякивал трамвай.

– Интересно, отчего же он со мной выпить не хочет? – бормотал себе под нос дядя Ваня. – Комсомолец, и не пьёт с большевиком. Плохо мы ещё воспитываем... эту... как её... смену.

– Что, повод есть? – спросил Лавр, испив водицы. – Ты ж, дядя Ваня, только по праздникам употребляешь.

– А вот, слушай! – отставной пролетарий поднёс к глазам «Правду» и прочитал вслух напечатанное крупным шрифтом: – «СССР заявляет, что будет считать себя свободным от соглашения о невмешательстве в дела Испании, если оно будет нарушаться другими странами». Вот тебе!

– А мне-то что?

– А то, что ты не верил. Все вы не верили! А народ собирает для испанских рабочих подарки! За испанскую революцию люди отработывают смены, и перечисляют туда деньги! Правительство отправляет оружие! Я сегодня был на митинге, выступал. Как меня принимали! Как принимали!

«Вот откуда хлеб и водка», подумал Лавр, а вслух спросил:

– И что с того?

Дед отложил газету, наклонился в сторону Лавра и прошептал:

– Да ведь с этого начнётся наконец мировая пролетарская революция!

– Ох, дядя Ваня, вышибут тебя из партии за такие речи.

– Меня?! – вскинулся дед. – Да я лично Ленина знал! С Дзержинским из ссылки бежал! Я вот это ... это всё ... своими руками создавал, всю власть рабочих и крестьян! И меня из партии? За что?

Лавр, сев на табурет возле их с мамой керосинки, прошептал внятно и отдельно:

– За пропаганду троцкистских идей.

Иван Палыч закручинился, завертел головой:

– Это я не подумал. Эх... Осуждали, да, помню. Но ведь... Знаешь, Лаврик: невозможно бывает понять. Сегодня одно, завтра другое. Но ты прав, да. За троцкизм пить нельзя, – и он решительно отодвинул от себя бутылку.

– Так найди другой повод, – засмеялся Лавр.

– А? Какой?

Лавр подошёл к отрывному календарю, висящему на стене:

– А, вот! Прямо сегодня родился Пьер Дегейтер, автор гимна «Интернационал».

– Это пойдёт. Это можно, наш человек.

Дед выпил, зажевал грибочком, и забурчал себе в усы «Интернационал»:

*Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты – никогда!*

В кухню, красуясь, вошла девушка с фотоаппаратом на плече. Было ей едва восемнадцать лет, по паспорту она была Ангелиной Пружилиной, и любила играть со своим именем. То она Джилка, то Анжела. В настоящее время представлялась Линой.

Дед в ней души не чаял, хотя с её мамочкой часто был в контрах.

– Можете меня поздравить! – радостно пропела она.

– С чем же? – спросил Лавр.

– С первым прыжком!

– Поздравляю, конечно... Но ведь ты раньше уже прыгала?

– То с вышки! В Краснопресненском парке. А теперь – с аэроплана.

– Страшно, небось, было?

– Советская молодёжь фашиста не боится! – проворчал дед.

– Ничуть не страшно! – бодро сказала Лина. – Ну, вот просто ни грамма страха. Зато фотографий наснимала, жуть.

Фотоаппарат ей подарила мамочка, причём не обычный ФЭД, а немецкую Leica. Кто-то из коллег привёз ей из Германии. Лина так увлеклась, что без новой игрушки из дома не выходила! Она после школы поступала на журфак, провалилась, и собиралась поступать в следующем году. Теперь набирала журналистский опыт.

– И ещё меня можно поздравить с публикацией! – сказала она, ставя чайник на огонь. – В «Вечёрке» напечатали мою фотографию.

– Которую?

– С метростроевцами. Я принесла газету, потом посмотришь.

– Лепо.

– Но гонорар не платят. Ведь я нештатница. Рабкор.²⁹

– Рабкор, а нигде не работает, – бурчал дед, вылавливая из банки очередной грибок.

– Я на курсах учусь! И, между прочим, помогаю развозить в школы хлебобулочные изделия! Сейчас принесу.

Она метнулась в комнату, принесла блюдо булочек на тарелке:

– Ешьте пампушки. Бери, дядя Ваня. Оказывается, некоторые считают, что и пампушки, и шанюшки, это олады. А вот и нет! Это булочки.

²⁹ Рабкор – рабочий корреспондент. В первые годы Советской власти – нештатный сотрудник печатного издания, из рабочих.

- Работница, а с работы булочки тырит, – сказал дед, цапнув сразу две пампушки.
- Так ведь в счёт зарплаты! Со скидкой, – пояснила Лина.
- А меня из университета попёрли... – вздохнул Лавр.
- Да ты что!
- Да, вот так...
- Что же ты натворил?
- Маркса поправил. Практически опроверг.
- Иди ты! Разве его можно опровергнуть? Он же памятник!
- Это он сейчас памятник, а раньше был человек. Как мы с тобой.
- Ой, сомневаюсь. Я думаю, он всегда был памятник... Прорабатывали?
- Естественно.
- Страшно было?
- Не страшнее, чем прыгать с парашютом, я так думаю, – сказал Лавр.
- А ты попробуй, прыгни.

– Ну, повторять за кем-то не так страшно. Самый-то страх, это когда что-то делаешь первым. К примеру, первым в мире прыгнул с колокольни, с куском холстины за спиной, сеньор Фаусто Веранцио. Говорил: во, страху натерпелся! А потом пришлось ему бегать от инквизиции. Прибежал в Венецию, тем и спасся: там инквизиция жгла серьёзных оппозиционеров, а научные эксперименты, вроде прыжков с парашютом, игнорировала...

– Ты откуда знаешь про этого... Веранцио с колокольни? – удивилась Ангелина, разливая чай по чашкам. – Нам про такого предшественника парашютизма не говорили.

– А встречались мы, Лина, со стариком Фаусто. Да! Когда я был с посольством в Венеции. Вот он сам и рассказал. Пытался, хитрец, ко мне подольститься: ведь ему хотелось получить денежный заказ. Предлагал продать в Москву проект подвесного моста из железа, и брался сам руководить строительством... Неугомонный был старикан. Но, подумай сама, до мостов ли тогда здесь было! Царя Бориса траванули, Фёдора убили...

– Эй! – она аж присвистнула. – Хорош заливать!

– Нет, ты слушай. Вообще таинственная история. Иду я по Ивановской площади Кремля, всей одежды на мне – чужая пасхальная рубаха, и думаю, как бы мне отсюда подорвать туда, где тепло. Вдруг хватает меня за руку незнакомый подьячий. Спрашивает, ведаю ли я венецийский толк. Я-то знал гонуэзский, но разница небольшая. «Да», отвечаю. «А хочешь ехать в Венецию с посольством?». «Да». И в тот же вечер выехали.

– Ты мне книгу Лажечникова, что ли, пересказываешь?³⁰

Лавр засмеялся:

– Успокойся! Мне эта история не так давно во сне привиделась.

– Ой, Лаврушка! Сны он мне будет толковать...

– А будешь называть меня Лаврушкой, то я тебя обзову маркизой.

Ангелина томно повела плечами:

– А чем я не маркиза?..

...Разбор «дела Гроховецкого» на комитете комсомола с самого начала носил обвинительный характер. Среди членов комитета было мало ребят с истфака, способных судить, кто прав в споре профессора и студента. Но и они заранее знали, что учение Маркса гениально, а потому верно. Беда была в том, что само-то гениальное учение было известно им лишь по затверженным цитатам...

³⁰ Иван Иванович Лажечников (1792–1869) – писатель, зачинатель русского исторического романа. Его произведения «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман» в XIX веке были нарасхват.

Секретарь комитета Саша Сидоров, начиная заседание, был вынужден заглянуть в бумажку, чтобы не перепутать, какая социально-экономическая формация за какой следует, согласно учению. Он и зачитал: «Марксизм-ленинизм обосновал закономерную смену формаций, показав, что за всю историю было пять основных периодов. Это первобытнообщинная формация, на смену которой пришло рабовладение, феодализм, капитализм, и, наконец, самая прогрессивная – коммунистическая формация. Построением его первой стадии, социализма, заняты мы в Советском Союзе».

Прочитав это, он перешёл непосредственно к делу:

– Студент Гроховецкий, отвергнув это деление, позволил себе публично и решительно усомниться в выводах Маркса, Ленина и советских учёных. И вдобавок он отрицал борьбу классов, как движущую силу эволюции общества. Так, Гроховецкий?

– Нет.

– Как, «нет»? А профессор Лурье говорит, что «да». Как же это, Лавр?

– Обсуждали мы с Лурье историю России, вот как! А Маркс описывал историческую эволюцию, характерную для Западной Европы. Он даже для Азии придумал её собственный «азиатский» способ производства, что, конечно, касается и формаций. А Россия вообще прошла свой особый путь.

– Ничего себе, заявочки! – крикнул кто-то из участников. – Маркс «придумал»! Ты говори, да не заговаривайся.

Секретарь постучал карандашом по столу:

– Нет, ребята, надо разобраться. Дело серьёзнее, чем я думал. Ведь Лавр нам только что сказал, что для России марксизм не подходит.

– Ничего такого я не говорил.

Все засмеялись. Кто-то крикнул: «Во, даёт!». Девушка в очках строчила протокол.

– Как же не говорил? – удивился секретарь. – Мы ведём протокол, всё записано. Маркс, по твоим словам, что-то придумал, а Россия сама по себе. Ты что, и профессору такое говорил? Или он тебя неправильно понял?

– А давайте я вам просто объясню свою позицию?

– Для того и собрались. Объясняй, – и Сидоров подмигнул членам комитета: – Что, ребята? Вдруг мы умнее профессора, и поймём правильно?

– Валяй, Грошик! – весело крикнул сидевший у окна Коля Сигал. Он был единственным здесь парнем его учебной группы и свидетелем стычки Лавра с Лурье. – Расскажи! Мне вообще понравился тот спор. Очень было познавательно.

– Спасибо, Коля, – поблагодарил Лавр. – Это был научный спор. Понимаете? Не идеологический. Говоря о жизни на территории древней Руси, то есть до десятого века, товарищ Лурье назвал это первобытнообщинным строем. И я сказал: Русь не вписывается в схему! Я не против теории, теория всегда полезна. Но посмотрим на факты. Первобытность, это отсутствие хозяйства и государства. А у нас это всё было, и развитое сельское хозяйство, и государство. Потому что без объединения, в одиночку, в наших северных местах нельзя выжить! А в Европе отдельная семья могла прожить сама, и государства возникли позже, именно как феодальные объединения, стараниями класса феодалов ради их господства и подавления крестьян. Об этом и писал Маркс.

– А на Руси, по-твоему, класса феодалов не было? – обличительно спросил кто-то.

– В том-то и дело! Когда на Западе появились феодалы, у нас их не было. И ничего похожего на первобытнообщинную или рабовладельческую формацию тоже не было. Единственное, что приходит на ум: на Руси тогда был социализм.

Поднялся шум. Одни смеялись, другие аплодировали.

– Точно, точно! – громко говорил Сигал. – Он в тот раз так же объяснял.

– Практически не наблюдалось имущественной разницы между верхами и низами. – Лавр не обращал внимания на шум, и шум стих. – И не было рабства. Да, на работах использовали пленников. Но почему? Потому что кто не работает, тот не ест. Пленники – которых, по правде, было мало – это иноземцы, которых попали к нам не по своей воле. Такой человек не мог сразу вписаться в здешнюю жизнь, но и не мог уйти назад: компаса и карт ещё не изобрели, и языка он не знал. Этих людей называли челядью и, говорят, ими торговали, а потому они вроде как рабы. На деле же тот, у кого они работали, содержал их, тратился на их обучение. Часто лечил, если тот был раненый. Вот за это, уступая челядина другому, он и брал плату!

– Раз продавали, значит, рабство, – сурово молвила девушка в красной косынке.

– Нет! Челядин жил, как младший член семьи. Если осваивал язык и научался работать, то мог, как и сын хозяина, отделиться. Мог остаться у хозяина. Даже мог жениться на его дочери. Он, освоившись, становился свободным. Разве такое бывало в Европе? Нет. Вот о чём я говорил проффу, и Коля может подтвердить.

– Да, да, – сказал Коля.

– Власть была типа советской, – эти слова Лавра опять вызвали шум. Он переждал его, думая, что если даже изощрённый ум профессора оказался не в состоянии переварить такие утверждения, то эти-то, молодые, нахватавшиеся верхов, и вовсе не поймут.

– Князья правили! – орал один. – Усобицы устраивали! Крестьян грабили!

– Как же! «Советская власть»! – язвительно надрылся другой. – Рюриков себе из-за границы выписывали! Ханам в орде прислуживали!

– Путаник! Неуч! – обличал третий.

– Что же, по-твоему, социализм – это когда рабами торгуют?..

– Не, не, ребя! – голосил Коля Сигал. – Вече решало, кто будет князем. Все вопросы народ обсуждал, точно говорю.

– Купцы обсуждали, – возразил ему сосед. – А купцы – это мелкобуржуазный элемент. Народ от них страдал.

Напрасно барабанил своим карандашом комсомольский секретарь Саша Сидоров. История Древней Руси оказалась очень злободневной темой для споров! В итоге комитет комсомола МГУ рекомендовал комсомольскому собранию факультета рассмотреть вопрос о пребывании студента Лавра Гроховецкого в рядах ВЛКСМ, и проверить политический уровень его подпевалы Николая Сигала.

Это означало, что из университета выгонят обязательно.

Через неделю Лавр приступил к работе в производственной артели «Красная радиоволна». Его взяли в столярный цех, и он там драил мелкой шкуркой деревянные заготовки корпусов радиоприёмников и телевизоров до зеркального блеска. Потом корпуса собирали, окрашивали в малярном цеху, возвращали ему, он их полировал и покрывал мебельным лаком.

Ещё через две недели начальник – Семён Иванович Кубилин, узнав, что Лавр начитан по радиodelу, умеет паять и обладает навыками часовщика, зазвал его к себе и предложил перейти в опытный цех.

– У нас там всеми радиodelами заправляет очень грамотный инженер, Миша Козин, – сообщил он. – А работники не имеют образования. Поможете Мише.

– Меня из комсомола выгнали, – честно сказал ему Лавр.

– Не мои проблемы, – ответил Семён Иванович. – Лучше объясните, где вы при своём юном возрасте наострились так лихо часы ремонтировать.

– То тут, то там, – уклончиво ответил ему Лавр. Хоть это и артель, то есть заведение не вполне социалистическое, кто знает, как отнесётся начальник к известию, что его юный шлифовщик тридцать лет кряду держал в Вене частную часовую мастерскую и даже эксплуатировал нескольких подмастерьев. После попытки пооткровенничать с Ветровым он убедился, что

рассказывать людям лишнее о своих снах не надо. А выдумывать липовые объяснения – ещё хуже. Честное враньё всегда лучше полуправды.

Их артель помимо радиоприёмников производила механические телевизоры по системе немецкого изобретателя Пауля Нипкова. В СССР уже несколько лет велись регулярные передачи механического телевидения из Москвы, причём со звуком, в диапазоне средних волн. Первый отечественный серийный телевизор Б-2 выпускали завод им. Козицкого в Ленинграде и их артель в Москве. Правда, когда Лавр пришёл в артель, и ленинградцы, и москвичи уже подумывали о переходе на телевизор с электронно-лучевой трубкой.

Но главным продуктом артели «Красная радиоволна» были всё же радиоприёмники.

Перейдя из столярки в опытный цех, Лавр стал читать иностранные журналы, изучая все новинки и выискивая возможности использовать их в работе.

– Есть проблема, Лавр Фёдорович, – сказал однажды Кубилин. – На маломощных коротковолновых передатчиках зафиксированы редкие факты сверхдальней связи – в сотни и тысячи километров, даже межконтинентальные, но нет ясности, почему и как это происходит. А хорошо было бы освоить сверхдальнюю радиосвязь!

– Конечно, хорошо, – засмеялся Лавр, – только ведь никто не знает, как это сделать.

– На то и наука! А? У вас есть какие-либо соображения? – и начальник перешёл на шёпот: – Мы имеем заказ, не скажу, от кого.

– Соображения... – протянул Лавр. – У меня... Хм. Есть, конечно. Наверняка всё зависит от форм электромагнитных полей в атмосфере. При каких-то параметрах радиоволна проходит. При каких-то – нет. Надо количественно измерять электрические заряды в воздухе, сравнивать с прохождением волн...

– Скажите, вы бы взялись за создание такого измерителя? У нас, понимаете, один уже брался, но спёкся. Отказался, короче. А Миша Козин мастерит магнитофон.

– Да... Задача. Но интересно.

И Лавр с головой ушёл в новую работу.

Сделал прибор: шкала, стрелка на оси, спиральная пружина. Установил две гребёнки из тонких алюминиевых пластин, входящих друг в друга, не соприкасаясь: одна неподвижная, другая подвижная, нанизанная на ось прибора, как шашлык на шампур. Электрические заряды, воздействуя на них, выталкивают подвижную гребёнку из неподвижной. Это вращает ось, преобразуя измеряемую величину заряда в силу/момент силы, поворачивающий ось со стрелкой.

Знакомый часовщик Сёма с Тверской изготовил ему пять сверхтонких спиральных пружинок, и Лавр отобрал одну самую мягкую. И он очень точно сбалансировал прибор, чтобы малые силы отталкивания зарядов приводили к существенным перемещениям стрелки. Иначе говоря, изделие отличалось сверхчувствительностью.

Пришлось, конечно, побегать, выпрашивая то тут, то там нужные материалы. По его просьбе Кубилин заказал на 1-м Московском часовом заводе подвес на рубиновых камнях, да ещё и с накладными камнями на торцы цапф.³¹ Заводской мастер, передавая заказ, без всякой скромности заметил:

³¹ Цапфа – тонкий конец оси вращения, тщательно отшлифованный, со сферическим окончанием. Втулки в часовом деле делали из рубина, а для ещё большего снижения трения зазор между цапфой и отверстием втулки заполняли часовым маслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.